

Марш Турецкого

Фридрих Незнанский

Молчать, чтобы выжить

«Автор»

Незнанский Ф. Е.

Молчать, чтобы выжить / Ф. Е. Незнанский — «Автор»,
— (Марш Турецкого)

На влиятельного московского чиновника готовится покушение. Подключившийся к расследованию Александр Турецкий выясняет, что это – лишь продолжение событий, случившихся двадцать пять лет назад. След ведет в секретную лабораторию. Там разрабатывается вещество, равного которому по разрушительной и созидательной силе пока не существует...

© Незнанский Ф. Е.

© Автор

Содержание

Глава первая	5
Глава вторая	14
Глава третья	24
Глава четвертая	37
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Глава первая

1

Денек выдался что надо. Три последних дня не переставая лил дождь, но сегодня небо вдруг совершенно прояснилось, словно солнце решило показать, что еще способно светить полетнему.

Молодой человек в грязном клеенчатом фартуке сидел на деревянном ящике и курил сигарету «Космос». Он презирал советские сигареты без фильтра, считая их дешевкой и всегда курил только «Космос», изредка делая исключение только для «Родопи». Фартук молодого человека был испачкан засохшей кровью. Несколько пятнышек виднелись и на крупных, смуглых руках. Сигарету он держал в пригоршне, словно защищал ее от ветра, хотя ветра не было.

Лицо у молодого человека было нежное, как у девушки, но глаза – холодные, насмешливые, надменные – выдавали в нем человека жесткого, волевого и знающего себе цену.

За спиной у молодого человека громыхнул ящик, кто-то чертыхнулся. Он лениво повернул голову на голос, и тут глаза его хищно сощурились. Отбросив сигарету в сторону, молодой человек медленно поднялся с деревянного ящика.

Толстяк остановился прямо перед парнем и, снова чертыхнувшись, отряхнул запачканную брючину. Он был ниже парня примерно на голову и смотрел на него снизу вверх, яростно сверкая красноватыми глазками. Маленький, пухлый рот толстяка разжался, и он рывкнул, брызнув слюной:

– Ты что это себе позволяешь, гаденыш?

На какое-то мгновение лицо парня вытянулось от изумления, но он быстро взял себя в руки и спросил как ни в чем не бывало:

– Что-то случилось?

– Случилось? – Губы толстяка скривились. – Он еще спрашивает! Ты кому решил дорогу перебежать, щенок? Ты кого решил под монастырь подвести?

Парень облизнул губы и сказал:

– Олег Павлович, у вас лицо налилось кровью. Это вредно для здоровья. Можно получить инсульт.

– Ты мне зубы не заговаривай, – прорычал толстяк. – Это ты сегодня ночью отгрузил пятьдесят кило мяса Ингушу?

– Мяса? – удивленно перепросил парень. Как бы раздумывая над словами толстяка, он достал из кармана новую сигарету, не спеша чиркнул зажигалкой и закурил. Лишь затем заинтересовался: – Откуда у вас такая информация?

– Не твое дело. Ты лучше отвечай: отгружал или нет?

Парень выпустил уголком рта струю сизого дыма и качнул головой:

– Нет. Это все наговоры. Инсинуации.

Непонятное слово взбесило толстяка. Складки на его красном лице затряслись.

– Какие, к черту, инсинуации! – яростно прохрипел он. – Ты меня что, за дурака держишь?

– Я? Вас? – Парень надменно улыбнулся. – Что вы, Олег Павлович. За вашего «дурака» вас держит только ваша жена. Ну, может, иногда любовница.

Толстяк снова затрясся и уже раскрыл рот для ругани, но вдруг передумал.

– Издеваешься, да? – с усмешкой спросил он. – Ну-ну. Если думаешь, что я тебя просто уволю, – ошибаешься. По этапу у меня пойдешь, понял? Клопов на нарах кормить будешь.

Парень передернул плечами и насмешливо сказал:

– Вы поосторожнее с угрозами. А то я чуть в штаны от страха не наделал.

– Даю тебе три дня, чтобы возместил недостачу, – холодно сказал толстяк. – Если через три дня денег не будет – я звоню в милицию.

– А не боитесь?

– Мне бояться нечего. Моя совесть чиста.

– Еще бы! – кивнул парень. – Вы умеете замечать следы, знаю. Но я тоже не вчера родился. Олег Палыч, может, лучше оставим все как есть, а? Ну к чему нам эти разборки? Мы же с вами собратья по разуму. Ну откусил я немного от вашего пирога, ну и что? Даже Бог велел делиться!

Толстяк удивленно уставился на парня, словно впервые его увидел. Затем на лице его появилось чувство глубокой брезгливости, словно он смотрел не на человека, а на какую-то гусеницу.

– Три дня, – повторил толстяк. – Иначе цугундер.

Затем повернулся и, по-бабьи вихляя толстым задом, двинулся между коробками.

– Сука жирная. Это мы еще посмотрим, кто из нас на цугундер отправится.

2

В восемь часов вечера того же дня молодой человек снял испачканный кровью фартук мясника и повесил на ржавый гвоздь, торчащий из деревянной балки. Затем сходил в душ, где долго стоял под струей горячей воды.

Выйдя из душа, молодой человек докрасна растер кожу махровым полотенцем, затем надел чистую белую рубашку, брюки и замшевый пиджак. Осмотрев свое отражение в зеркальце, молодой человек остался доволен и даже легонько кивнул самому себе.

Полчаса спустя он вошел во дворик старого пятиэтажного дома, внимательно огляделся и, увидев группу подростков, кучкующихся за старым, колченогим столом, установленным в углу двора, двинулся к ним.

Их было трое, этих подростков. Худощавые, в кепках и потертых пиджаках, они сидели на скамейке, а их вождь – длинный, сухопарый, с черными, узкими глазами – восседал прямо на столе. В углу его тонкого рта дымилась «Прима». Этот был намного старше других.

– Ба! Кого я вижу! – насмешливо воскликнул узкоглазый, завидев приближающегося гостя. Голос у узкоглазого был противный – высокий и слегка шепелявый, словно у него отсутствовал кончик языка.

Молодой человек вразвалочку подошел к столу.

– Здорово, Калмык! Привет, парни! – сказал он и поочередно пожал руки всем собравшимся, начав с узкоглазого.

Узкоглазый цыкнул слюной сквозь редкие зубы, блеснув желтой фиксой, и поинтересовался:

– Каким ветром тебя сюда занесло?

– Попутным, – ответил молодой человек. – Давай-ка отойдем. Разговор есть.

Калмык махнул рукой в сторону подростков:

– У меня от них нет секретов.

– А у меня есть, – веско проговорил молодой человек.

– Да? Ну тогда ладно. Пацаны, обождите меня возле подъезда. Я скоро подойду.

Подростки нехотя поднялись со скамейки и побрели к подъезду. Оставшись одни, Калмык и молодой человек закурили «Космос». Молодой человек выпустил струйку дыма уголком рта и сказал:

– Калмык, я слышал, ты отчаянный парень.

– Что есть, то есть, – подтвердил узкоглазый.

– У меня к тебе дело. Опасное, но набашляю щедро.

Калмык внимательно посмотрел на молодого человека:

– Дело, говоришь? А не пыльное? Я руки пачкать не люблю.

– Если хочешь заработать, придется немного испачкаться, – сказал молодой человек, глядя Калмыку прямо в глаза. – Без этого никак.

Калмык, не выдержав пристального взгляда, отвел глаза, сделав вид, что смахивает с рукава пиджака какую-то соринку. Потом снова повернулся к молодому человеку и, прищурив и без того узкие глаза, нагло ватно проговорил:

– Темнишь ты что-то, фраер. Смотри, я темнил не люблю. Давай выкладывай, что за дело.

Однако молодой человек не спешил «выкладывать», он продолжал внимательно разглядывать своего собеседника, и в глазах его стояло сомнение.

– Да ладно, фраерок, не менжуйся, – не вытерпел Калмык. – Что за дело-то?

Молодой человек еще немного помолчал, словно не замечая, что своим молчанием выводит Калмыка из себя, затем спокойно сказал:

– Это должно остаться между нами, вне зависимости от того, возьмешься ты за него или нет.

– Ты че, меня за стукача держишь? – обиженно протянул Калмык.

Молодой человек покачал головой:

– Нет. Потому к тебе и пришел. А дело у меня такое...

3

Время летело быстро. На исходе третьего дня солнце совершенно выдохлось и спряталось за набежавшие черные тучи. В воздухе запахло холодом и осенью.

На город спускались сумерки. Олег Павлович Барыкин, директор Черемушкинского рынка, выбрался из бежевой «Нивы», захлопнул дверцу, проверил, надежно ли она закрыта, и лишь затем вышел из гаража. Гараж был добротный – из белого кирпича, с железными воротами и крышей, выкрашенными в мрачноватый черный цвет.

В преддверии грозы у Олега Павловича весь день скакало давление, так что к вечеру он чувствовал себя совершенно измотанным.

Заперев дверь гаража, он спрятал ключи в карман и огляделся. Олега Павловича с утра преследовали неприятные предчувствия. Бог его знает из-за чего. Может, из-за проблем с кавказцами, которые так и норовили подмять Барыкина и его хозяйство под себя. Да еще этот щенок мясник с ними спутался. Как там его зовут?

За спиной у Барыкина послышался какой-то шорох. Он быстро обернулся, но ничего подозрительного не увидел. Вдохнув полной грудью холодноватый, сырой воздух, Олег Павлович медленно двинулся между гаражами.

Мысли Барыкина вновь вернулись к наглому щенку, который надумал перебежать ему дорогу, наладив свой маленький бизнес. Это ж надо такое придумать – «мы с вами собратья по разуму».

Порыв холодного ветра швырнул к ногам Олега Павловича горсть сухих желтых листьев и заставил его поежиться. Погода портилась прямо на глазах. Да и настроение у Барыкина было под стать погоде.

«Ладно, не забивай голову», – сказал себе Олег Павлович.

– Эй, дядя! – окликнул кто-то.

Олег Павлович вздрогнул и увидел прямо перед собой противную узкоглазую физиономию.

– Сигаретки не найдется? – ухмыляясь, спросил узкоглазый.

– Не курю, – буркнул Барыкин и прошел мимо парня.

«Проклятая шпана, прохождению от вас не стало, – с неудовольствием подумал Олег Павлович. – И чем дальше, тем...»

Додумать Барыкин не успел. Холодное, узкое лезвие стилета вошло ему под левую лопатку. Удар был нанесен мастерски. Олег Павлович почти не почувствовал боли. Он ощутил слабость. Ноги Барыкина подогнулись, и он тяжело повалился на бетонную дорожку.

Узкоглазый воровато огляделся по сторонам, сплюнул сквозь зубы на жирное тело Барыкина, затем отбежал к железной оградке сквера, перемахнул через нее – и был таков.

4

Если бы Калмык обернулся, он бы увидел, как со стороны дома вслед ему смотрит маленький, сухой старичок со слезящимися, однако не по возрасту зоркими глазами и копной желтовато-седых волос.

– Вот козел, что творит! – восхищенно покачал головой старик. – Одним прыжком перемахнул! Прямо как я в молодости. Факт!

Дождь, который с утра грозил обрушиться на город, зарядил к вечеру, да так споро, что уже через пять минут выбоины бетонной дорожки блестели от луж.

Труп Барыкина лежал под дождем ничем не прикрытый. Рукоять стилета по-прежнему торчала у него из-под лопатки. Эксперт, пожилой рыжеволосый мужчина в очках, тщательно осмотрел труп и со вздохом выпрямился.

– Ноги затекли, – пожаловался он стоявшему рядом оперативнику. – Да еще этот дождь проклятый. – Он зябко поежился и поправил стоячий ворот плаща. – Думаю, никаких следов мы не найдем. Если что-то и было, то ливнем смыло. Можно к вам под зонтик?

Оперативник кивнул, и эксперт нырнул к нему под широкий зонт. Оперативник был молодым парнем с грубым, плохо выбритым лицом. Из уголка губ торчала дымящаяся папироса.

– И свидетелей тоже никаких, – проворчал оперативник, вынул изо рта папиросу, посмотрел на нее и швырнул в лужу. – Намокла, сволочь.

– Что? – вышел из задумчивости эксперт.

– Ничего. Вася Чернов бегаёт по квартирам, но не думаю, что из этого что-то выйдет. Протокол осмотра мы составили. Думаю, труп можно увозить.

– Да, Иван Иванович, загружайте, – кивнул эксперт.

Внезапно ливень прекратился, перейдя в легкую, противную морось. За спиной у милиционеров послышались неторопливые, шлепающие шажки. Эксперт и оперативник обернулись. По мокрой бетонной дорожке, прихрамывая, ковылял маленький седовласый старик. Подойдя к ним вплотную, старик внимательно посмотрел на оперативника и сказал:

– Вы Игнатъев?

– Ну допустим, – ответил оперативник.

– Мне сказали, что вы здесь главный. Это так?

Оперативник смерил старика таким же внимательным взглядом и кивнул:

– Так.

Старик хотел что-то сказать, но покосился на труп толстяка и сглотнул слюну.

– Что, дедушка, зрелище не для слабонервных? – усмехнулся оперативник Игнатъев.

– Да уж, всякого за долгую жизнь повидал, но жмуриков до сих пор пугаюсь, – морщина мокрое лицо, ответил старик. – Милый, ты зонтик-то сложи, а то мне на шляпу капает.

Оперативник сложил зонт и сунул его под мышку.

– И папироской дедушку угости, – хитренько улыбнулся дед. – Внакладе не останешься, обещаю.

Игнатъев достал из кармана пачку «Беломорканала», вытряхнул папиросу и протянул старику. Вторую сунул себе в рот. Предложил было и эксперту, но тот отрицательно покачал головой.

Закурив, оперативник спросил:

– Дедусь, вы просто так подошли, или вам есть что сказать по делу?

Дед пошамкал по патрону папиросы губами и неторопливо ответил:

– А ты на меня не дави, сынок, не надо. Между прочим, у меня внук такой, как ты.

– Вам повезло, – усмехнулся Игнатъев. – Он посмотрел на часы. – Дедуль, давайте побыстрее, скоро совсем стемнеет, а у нас еще куча работы.

– Опять давишь, – недовольно проворчал старик.

– Да не давлю я!

– А я говорю – давишь. Факт!

Эксперт посмотрел на старика, на оперативника, ухмыльнулся и поправил на переносице очки. Оперативник покосился на ухмыляющегося эксперта, и лицо его стало еще недовольней.

– Итак, дедушка, – заговорил он как можно мягче, – что вы хотите нам сообщить? Вы заметили что-то подозрительное?

– Не что-то, а кого-то, – ответил старик. – А видел я, сынок, того, кто Барыкину ножик в спину воткнул.

– Видели? – хором переспросили эксперт и оперативник.

Старик кивнул:

– Видел. И очень хорошо видел. Вот как вас сейчас. Только рот он так широко, как вы, не раскрывал.

Эксперт и оперативник захлопнули рты.

– Дедушка, расскажите подробнее, – попросил Игнатъев.

Старик улыбнулся щербатым ртом:

– Затем и пришел. Было это часа полтора назад. Стоял я аккурат вон там, – он махнул костлявой рукой в сторону дерева, – возле клена. Стою, значит, курю и вижу – бежит! Тощий, обшарпанный, как пес, и в кепке. Добежал до заборчика, прыг, как козел, – только его и видели.

– Вы успели разглядеть его лицо? – спросил оперативник Игнатъев.

– А то! Лицо худое, желтое. А глазки узкие, как у киргиза.

Эксперт поправил очки.

– Как это вы разглядели на таком расстоянии? – с сомнением спросил он. – Тут же метров двадцать будет.

– А вот так и разглядел. Ты не смотри, что у меня зубов нет. Зрение у меня до сих пор сто процентов. Я во время войны снайпером был, в копейку с пятидесяти шагов без оптики попадал. Факт! А ты говоришь – двадцать!

– Ну тогда беру свои слова обратно, – покорно кивнул эксперт.

А оперативник, сверля старика глазами, спросил:

– Поможете нам составить его фотопортрет?

– А то как же, – польщенно отозвался старик. – Я по этим делам мастер. Сам в шестидесятих фотографом на свадьбах подрабатывал. В два счета тебе его сфотографирую. Внакладе не останешься. Факт!

Игнатъев швырнул окурок себе под ноги, взял старика под руку и решительно произнес:

– Поехали!

5

Экран телевизора тускло мерцал в полутемной комнате. В старом скрипучем кресле под красным абажуром сидела пожилая женщина с вязаньем на коленях. Спицы споро мелькали в ее сухих, изрезанных голубоватыми венами пальцах.

– Сынок, сделай-ка погромче, – попросила она, не отрываясь от вязания.

Молодой человек, одетый в клетчатую ковбойку и потертые штаны, встал с дивана, подошел к телевизору и крутанул ручку громкости.

– ...По подозрению в убийстве, – забубнил монотонный голос ведущего, – разыскивается двадцатипятилетний Эдуард Иргалиевич Кубашев по кличке Калмык. Просим вас внимательно посмотреть на его фотографию.

На экране телевизора возник нечеткий черно-белый снимок худого, узкоглазого человека.

– Ну и рожа, – проговорила женщина, глянув на снимок поверх очков.

– ...Если вы что-то знаете о местонахождении Эдуарда Иргалиевича Кубашева, просьба сообщить в милицию по телефону ноль два...

Молодой человек, все еще столбом стоявший у телевизора, снова протянул руку и убавил громкость.

– Показывают всякую муть, – непонятно от чего раздражаясь, проговорил он. – Лучше бы кино показали.

Женщина, продолжая постукивать железными спицами, покачала пепельной головой:

– Страсти-то какие! Да, сынок?

– Муть, вот и все, – коротко ответил сын, снова уселся на диван и раскрыл «Технику – молодежи».

– И лицо как будто знакомое, – раздумчиво продолжала мать. – Тебе не кажется?

Молодой человек, пролистывая журнал, покачал головой:

– Нет, мам. Может, ты его с кем-то спутала. Киргизы все друг на друга похожи.

– Может быть. Ты смотри поздно в сквере не гуляй. Шпана сейчас знаешь какая!

– А я и не гуляю. У меня на это нет времени. Ты же знаешь – я готовлюсь к экзаменам в институт.

Мать глянула на сына и улыбнулась:

– Это хорошо, сынок. В наше время без учебы никуда. Был бы жив папа, он бы тебе то же самое сказал.

– Да, мам, я знаю.

Женщина отложила вязанье и ласково посмотрела на сына.

– Подойди ко мне, – попросила она.

Молодой человек нехотя поднялся, подошел к креслу и наклонился. Женщина нежно поцеловала его в лоб.

– Совсем большой ты у меня стал. И на отца так похож. Жаль, что он не дожил. Гордился бы тобой.

Она всхлипнула. Молодой человек погладил ладонью седые волосы женщины, поцеловал ее в щеку и выпрямился.

– Пойду к себе позанимаюсь, – сказал он.

Женщина кивнула:

– Иди. Только допоздна не засиживайся. Совсем ты с этой учебой не высыпaeшьсeя.

– Ничего, мам, на том свете отосплюсь.

– Дурачок. Типун тебе на язык.

Молодой человек хохотнул, еще раз поцеловал мать в морщинистую щеку и ушел к себе в комнату.

Желтый свет настольной лампы ярко освещал раскрытый учебник «Истории СССР». Однако молодой человек смотрел не на учебник, а в черный квадрат окна с еле виднеющимися тусклыми пятнами далеких фонарей. Вот уже десять минут он сидел с напряженным лицом, погруженный в глубокую задумчивость.

Когда на столе зазвонил телефон, молодой человек вздрогнул и поспешно схватил трубку:

– Слушаю!

– Правильно делаешь, что слушаешь, фраерок, – прошипел в ответ знакомый шепелявый голос.

– Калмык?!

– Он самый. Только не надо так орать.

Молодой человек нервно оглянулся на дверь комнаты и понизил голос:

– Ты где?

– Где надо. Смотрел сейчас телик?

– Да. Тебя еще утром показывали. Я тебе домой звонил, но там никто трубку не берет.

– А кому там брать? Папаша третий день из запоя не выходит. А мать вообще дома не ночует. Та еще семейка!

Молодой человек переложил трубку в другую руку и снова плотно прижал ее к уху.

– Калмык, тебе нужно уехать из города, – хрипло прошептал он. – Тебя ищет вся столичная ментура.

– Не впаривай, фраерок. И без тебя знаю.

– Что делать-то теперь?

– Пока не знаю. По-любому, сперва надо залечь на дно. Там решим, что делать.

– Где сейчас?

– В Караганде. – Калмык помолчал. – Встретиться нам нужно. Помнится, ты мне кое-что должен.

– Я помню. Ты же знаешь, за мной не заржавеет.

– Конечно, не заржавеет. А то ты вслед за своим жирняем отправишься. Ты меня знаешь, фраерок, я шутки не шучу. Придется тебе мощну порастрясти. Такса возросла в три раза, всосал?

– К-как – в три раза? Где же я... возьму?

– Твои проблемы. Мне чтобы к субботе бабки были, понял? Иначе я сам в ментуру сдамся и тебя на поводке, как телка, приведу.

– погоди, Калмык. погоди, не горячись. – Молодой человек потер потный лоб. – Я... я что-нибудь придумаю. Честное слово!

– Смотри, фраерок, ты у меня на крючке. Послезавтра перезвоню, примерно в это же время. И не дай тебе бог не оказаться дома. Из-под земли достану, понял?

– Да понял я, понял!

– Ну тады бывай.

В трубке раздались короткие гудки. Некоторое время молодой человек сидел молча. Его лоб и щеки поблескивали от пота. Глаза блестели. Костяшки пальцев, все еще судорожно сжимающих трубку телефона, побелели от напряжения. Наконец он положил трубку на рычаг и тихо проговорил:

– Будь что будет.

6

Трава была высокая и мокрая. В ботинках хлюпало. Брюки, промокшие и потемневшие до самых колен, неприятно липли к ногам. Вдалеке между деревьями виднелись первые окраинные дома деревни. Это были простые крестьянские срубы, сложенные из посеревших от времени бревен.

Молодой человек выбрался из травы на проторенную дорогу, остановился и отжал штанины. Стало лучше, но ненадолго. Он хорошенько огляделся.

– Крайний справа дом, – прошептал он. – С флюгером в виде петуха...

Нужный дом он увидел не сразу. Тот был совсем невысокий и изрядно покосившийся. На коньке крыши сиротливо торчал ржавый флюгер. Лишь имея богатое воображение, можно было опознать в этом куске почерневшей жести петуха.

Молодой человек уверенно двинулся к дому.

Калитка, тоскливо скрипнув, отворилась, и он вошел во двор. В окне дома мелькнуло чье-то лицо и тут же скрылось снова. Полминуты спустя в сенях тяжело лязгнул засов. Дверь распахнулась с душераздирающим скрежетом. На пороге стоял худой, небритый Калмык.

Он молча посторонился, и молодой человек вошел в небольшие, пропахшие гнилыми досками сени. Калмык задвинул засов и повернулся к гостю.

– Хвоста не было? – быстро спросил он.

– Да вроде нет.

– Вроде – у бабы в огороде, – недовольно прошепелявил Калмык.

– Точно не было, – спокойно сказал тогда гость.

– Смотри, – угрожающе сказал Калмык. – Ну че стоишь, как хрен на рассвете? Двигай в комнату!

В комнате гнильем воняло еще больше, чем в сенях. К запаху гнили примешивался запах водочного перегара.

– Как ты только тут живешь? – брезгливо поморщившись, сказал молодой человек.

– Каком, – сухо ответил Калмык. – Водяры дернешь?

– Нет, не хочется.

– А я дерну. – Калмык взял со стола бутылку с криво приклеенной этикеткой, плеснул в грязный граненый стакан, прищурился на гостя: – Точно не хочешь?

– Точно.

– Хрен с тобой. Ну за свободу – век воли не видать! – Он опрокинул содержимое стакана в рот и, поморщившись, зажевал водку вялой редиской. Затем в упор посмотрел на гостя и пролаял:

– Ну че, фраер, бабло принес?

– Да. Только...

– Что только? – вскинул кривую бровь Калмык.

– Я не смог собрать всю сумму.

Калмык сплюнул сквозь зубы прямо на пол и хищно прищурился.

– Че-то я не понял, фраерок, – гундосо пропел он. – Повтори-ка!

Молодой человек нахмурился.

– Что тут непонятного? – спокойно сказал он. – Я не смог набрать нужную сумму. Но я отдам. Пусть не сразу, но отдам.

Несколько секунд Калмык в упор разглядывал гостя. Наконец по лицу его расплзлась жестокая улыбка.

– Вижу, ты по киче стосковался? Ладно, давай что есть. Остальное потом донесешь. Мы теперь часто будем видеться, фраерок. Ты у меня вроде посыльного будешь – подай-принеси. Сам-то я нынче невыездной.

– Тебе нужно уехать.

– Не твоё собачье дело, что мне нужно. Где лавандос?

Калмык протянул ладонь. Молодой человек сунул руку в карман болоньевой куртки и небрежно швырнул на стол пачку денег, перетянутую белой резинкой.

– Ого! Живем, братуха! – Калмык сгреб деньги, стянул с пачки резинку и принялся скрупулезно пересчитывать купюры, шевеля плоскими губами.

Гость тем временем встал со стула и принялся неторопливо похаживать по комнате, поглядывая на лысоватый затылок Калмыка. Тот, увлеченный пересчетом, не обращал на гостя никакого внимания.

– Семь... восемь... девять... – бубнил Калмык, то и дело слюнявя пальцы.

Продолжая коситься на затылок бандита, молодой человек спокойно взял с печки небольшую, почерневшую от копоти кочергу. Взвесил ее на ладони и крепко сжал в пальцах.

– Ну как? – спросил он.

Калмык выровнял пачку ладонями, снова перетянул резинкой и запихал в карман пиджака.

– Маловато, но на первое время хва...

Удар прозвучал глухо и отрывисто. Калмык охнул и медленно повернулся к гостю. На его покатый, желтый лоб стекла струйка алой крови. Калмык поднял руку и потрогал лоб пальцами. Затем поднес испачканные кровью пальцы к лицу. В глазах его застыло искреннее изумление. Он перевел взгляд на гостя и, разлепив губы, прохрипел:

– Ах ты сучонок... Да я тебя... на куски порву!

Не успел гость опомниться, как Калмык вскинул руки и с неожиданной резвостью вцепился ему ногтями лицо.

Гость вскрикнул и попытался оторвать от лица цепкие пальцы бандита.

– Убью-ю! – вопил тот, раздирая ногтями щеки гостя.

Молодой человек вскинул руку, и кочерга во второй раз обрушилась на стриженую голову бандита. Пальцы Калмыка разжались. Глаза закатились под брови, и он с грохотом повалился на стол, роняя бутылку и стакан.

Гость отскочил к печке, прерывисто дыша и держа кочергу на изготовку. Из глубоких царапин на его щеках текла кровь.

– Не подходи... не подходи, сволочь... – испуганно шептал он.

Калмык не двигался. Молодой человек опасливо, шагком за шагком, подобрался к распростертому на полу телу. Затем, словно опомнившись, размахнулся и дважды ударил бандита кочергой по черепу.

Голова Калмыка вяло дернулась, как мешок с песком.

С минуту гость смотрел на мертвого бандита, потом прошептал:

– Придурок... Сам виноват, понял?... Сам!

Дрожащими пальцами гость достал из кармана куртки платок, промокнул окровавленное лицо и тщательно вытер ручку кочерги. Кочергу он положил обратно на печку. Затем запихал пачку денег себе в карман, надел перчатки, снова взял платок и принялся методично и тщательно протирать все, до чего успел дотронуться.

Покончив с этой кропотливой работой, молодой человек еще раз внимательно все осмотрел, стараясь не упустить из виду даже самую мелкую деталь.

– Ну вот, – выдохнул он, закончив осмотр. – Теперь все в порядке...

В сенях молодому человеку пришлось изрядно повозиться с заржавевшим засовом. Выходя из дома, он не заметил выпавший из кармана платок.

Глава вторая

2004 год

1

Генерал-лейтенант милиции Андрей Юрьевич Сальников был человеком неординарным. Его деловые качества сделали бы честь самому удачливому бизнесмену. Хватка, прозрачность, умение упреждать ситуацию – всем этим он владел в совершенстве. А что касается личных качеств Сальникова, то генерал-лейтенант был одним из тех немногих людей, о которых не только друзья, но даже недоброжелатели говорят: «Это и в самом деле человек без недостатков».

К коллегам и подчиненным Сальников относился уважительно, никогда ни на кого не повышал голоса. Заслуг не забывал, но и о просчетах помнил. Если Сальников журил кого-то, так только за дело. И никогда не «добивал медведя в его берлоге», то есть не доходил в свои выговорах до личных оскорблений (как любят делать многие начальники) и всегда давал оплошавшему сотруднику шанс исправить положение вещей. Что тот с готовностью и делал.

У генерал-лейтенанта была красавица жена, которой он никогда в жизни не изменял, и двое сыновей, с которыми он каждое воскресенье ходил в зоопарк, в ботанический сад, а то и просто в кино.

Короче говоря, Сальников был идеальным человеком (насколько вообще может быть идеален человек). Но исключительным человеком его делало другое. Дело в том, что начальнику департамента угро генерал-лейтенанту Андрею Юрьевичу Сальникову было всего тридцать девять лет! Однако никого из сотрудников угро столь несолидный возраст их начальника не смущал. Отчасти этому способствовало и то, что выглядел генерал-лейтенант Сальников лет на десять старше своего паспортного возраста. Высокий, худой, с абсолютно седой шевелюрой, суровыми складками вокруг рта и спокойными серыми глазами – он казался не столько «пожилым юношей», сколько «моложавым стариком».

Сальников был известен в милицеских кругах как профессиональный сыщик, умеющий к тому же дружить со своим начальством (независимо от частой смены этого начальства, что в наше время, время охоты на «оборотней в погонах» стало довольно обычным делом). Благодаря природному обаянию, доброжелательной манере общения и острому уму Сальников умел отыскать узенькую дорожку к сердцу любого человека. Это и позволило ему к тридцати девяти годам сделать столь головокружительную карьеру.

Генерал-майор Грязнов, занимавший должность заместителя Сальникова, выглядел полной его противоположностью. Он был намного старше своего начальника и отличался вспыльчивостью и неуживчивостью характера. Однако, несмотря на разницу темпераментов, у двух генералов сложились вполне дружеские и доверительные отношения.

Андрей Юрьевич Сальников прохаживался по кабинету, задумчиво морща лоб и поглядывая на генерал-майора Грязнова из-под нахмуренных темных бровей. Последние два часа генералы были заняты обсуждением текущих дел, а дел этих, надо сказать, скопилось великое множество.

В кабинете было жарковато. Генерал Грязнов сидел за столом и просматривал очередную папку. Свет электрической лампы поблескивал на его красноватом лбу. Пепельно-рыжие волосы слегка потемнели от пота.

Вот уже две минуты он листал страницы дела в полном молчании и наконец произнес:

– Н-да... Дельце интересное.

– Именно так, – кивнул Сальников, останавливаясь возле стола и глядя на листок бумаги, который Грязнов все еще держал в руках.

Суть дела была такова: в Департамент уголовного розыска МВД поступил сигнал от одного из самых сильных профессиональных агентов, внедренных в преступную сеть, – Штурмана. Звали агента Алексей Локшин, а кличка Штурман привязалась к нему из-за того, что он круглый год, не снимая, таскал потрепанную кожаную куртку типа «пилот».

В своем донесении агент Штурман сообщал милиционерам о том, что к московским киллерам поступил заказ на ликвидацию одного из руководителей столицы. Кто имелся в виду – Штурман не знал. По словам агента, заказ сделала некая молодая женщина. Она встретила с киллером и уже передала ему аванс за реализацию заказа.

Подобные донесения поступали от агентов почти каждую неделю, и, разумеется, не все они заслуживали пристального внимания начальников МВД. А посему Сальников спросил:

– Что думаешь, Вячеслав Иванович?

Грязнов пожал плечами:

– Не знаю, что и сказать.

Сальников прищурил серые глаза.

– Помнишь, что говорил Мургалиев? – спросил он.

Грязнов кивнул – еще бы не знать. Министр МВД Ахмет Мургалиев на каждом оперативном совещании твердил о профилактике и предотвращении преступлений. Более того, именно профилактику преступлений, а не их раскрытие министр считал первоочередной задачей Министерства внутренних дел.

– Представляешь, что будет, если мы допустим в Москве еще одно громкое убийство? – сухо спросил Сальников. – И это при том, что нас предупреждали заранее.

– Да уж, – мрачно кивнул Вячеслав Иванович. – Как минимум, обвинят в халатности, в бездействии, в связях с преступным миром и еще черт знает в чем! – Он еще раз пробежал взглядом по листку с донесением и задумчиво сказал: – Думаю, что фактик стоит проверить. Штурман сотрудничает с нами давно. И не в его правилах гнать пургу.

Сальников пожал плечами:

– Не исключено, что просто хочет подзаработать.

– Да нет, непохоже, – возразил Грязнов. – К тому же, если Штурман не соврал и если нам повезет, мы сможем единым махом прихлопнуть банду арбатских. У меня давно уже чешутся руки это сделать.

Сальников посмотрел на Вячеслава Ивановича и слегка усмехнулся.

– В этом наши с вами желания сходятся на сто процентов, – сказал он.

Руководителям уголовного розыска давно было известно, что в Москве действует глубоко законспирированная сеть наемных убийц, берущая заказы на огромные суммы «от солидных, проверенных клиентов» на устранение соперников, недоброжелателей и врагов. В эту сеть входили отборные бандиты-киллеры из трех группировок: курганской, тамбовской и ореховской. В оперативных кругах этой ячейке присвоили условное название «арбатская группировка».

Несмотря на долгую и кропотливую работу, прижать к ногтю группировку не удавалось.

– Так вот, Вячеслав Иванович, нужно хорошенько потрясти Штурмана и взять арбатских киллеров в разработку. По мелочи эти парни не работают. После каждой их операции у нас появляется свежее испеченный высокопоставленный труп!

Грязнов поморщился от неприятной метафоры. Сальников заметил его гримасу и, нахмурившись, сказал:

– Этим делом должны заняться опера из первого отдела. Ваши подчиненные, Вячеслав Иванович. Кого вы можете порекомендовать?

Грязнов задумался. Дело было сложным и опасным. Поручать его новичкам, конечно, не следовало, а почти все опытные оперативники были заняты на других делах. (От года к

году нехватка опытных, квалифицированных кадров сказывалась на работе угро все сильнее и сильнее.) Вот вроде бы Галя Романова сейчас не слишком загружена, позавчера она сдала сразу два дела, и сейчас...

– Так кого вы порекомендуете? – повторил вопрос генерал-лейтенант Сальников.

– Я бы порекомендовал капитана Романову, – ответил Грязнов.

Сальников вскинул бровь:

– Племянница Александры Романовой?

– Да.

Сальников одобрительно кивнул. Галя считалась одним из лучших оперативников первого отдела.

– Кого еще? – спросил Сальников.

«Легко ему спрашивать», – недовольно подумал Вячеслав Иванович, прокручивая в голове список сотрудников. И тут перед его мысленным взором возникла улыбающаяся физиономия Володи Яковлева. Если генерал-лейтенант Сальников был идеальным начальником департамента, то майор Владимир Яковлев был идеальным оперативником. На его счету числилось несколько десятков успешно раскрытых дел. Конечно, Яковлев сейчас загружен работой, что называется, по самое горло, но зато его энергичности и выносливости хватит на двоих. Единственное, что могло подкосить Володю Яковлева, это бумажная работа, во всем остальном он был профессионалом высочайшего класса.

– Если уж речь зашла о милицеских династиях... я бы порекомендовал майора Яковлева, – сказал Грязнов.

Сальников улыбнулся:

– Что ж, я не против. Замечательный тандем.

2

Часом позже старшие оперуполномоченные капитан Романова и майор Яковлев были у Грязнова в кабинете. Прежде чем приступить к беседе, Вячеслав Иванович, с большой теплотой относившийся к обоим молодым людям, напоил их жасминым чаем. У Гали было усталое, слегка побледневшее лицо. Чашку она держала тонкими, длинными пальцами как-то нервно и неуверенно.

– Ты, случаем, не болеешь? – осведомился Грязнов, внимательно ее рассматривая.

Галя мотнула головой:

– Нет.

Однако Вячеслав Иванович не успокоился.

– Прости за бесцеремонность, но выглядишь ты не очень, – упрямо сказал он.

– Критические дни, – спокойно объяснила Галя, помешивая ложечкой жасминовый чай.

Грязнов слегка смутился. Откровенность юного поколения часто его коробила.

– Понятно, – конфузливо проговорил Грязнов и повернулся к Володе Яковлеву – Ну а ты, Володь?

Яковлев хмыкнул.

– Если вы намекаете на «критические дни», то у меня их нет, – с веселой иронией произнес он.

Галя Романова улыбнулась, а щеки Вячеслава Ивановича снова порозовели.

– Будешь смеяться над старшими по званию – наложу взыскание, – с притворной строгостью сказал он.

– Виноват, товарищ генерал-майор.

– То-то же. Итак, господа офицеры, задача у вас будет непростая. Вы должны взять в проработку всю таинственную троицу: заказчицу убийства, будущую жертву и киллера.

– Да уж, задачка и впрямь не из легких, – подтвердил Володя Яковлев. – Особенно если учесть, что никто из троих нам пока неизвестен.

– Были бы известны, я бы поручил это дело новичкам, – сказал Грязнов. – Начните со Штурмана. Прижмите его как следует, но только действуйте аккуратно. Я слышал, что этот парень очень самолюбив. Узнайте, с кем из наших оперов он контактирует.

– Вячеслав Иванович, а как насчет финансов? – задал актуальный вопрос Яковлев. – В наше время агент за бутылку водки не особенно усердно станет трудиться.

Грязнов недовольно поморщился. Замечание Яковлева попало в самую точку. В последнее время агентурная сеть обходилась МУРу очень дорого. Нынешние агенты, насмотревшись детективных сериалов, знали себе цену и порою заламывали за информацию такую цену, что у оперативников челюсти отваливались от удивления. На смену агентам-забулдыгам, требования которых редко поднимались выше сакраментального «двух пузырей и чего-нибудь на закуску», нынешние агенты все чаще баловались наркотиками; а потому и запросы у них были гораздо выше, чем у «родных, советских алкашей» былых десятилетий.

– Финансы будут. Но особо не транжирьте, – строго сказал Вячеслав Иванович. – Мы должны собрать материалы обо всех заказных убийствах в Москве за последние два года, проанализировать их и выявить профессиональных киллеров, действующих в Москве. Это задача-максимум. С сегодняшнего дня вы партнеры, – добавил Вячеслав Иванович и не удержался от улыбки.

Галя и Володя переглянулись. Парой они и впрямь были забавной. Галя – высокая, атлетически сложенная девушка с густой гривой каштановых волос и пронзительно синими глазами. В прошлом она была кандидатом в мастера спорта по теннису, ей даже пророчили большое спортивное будущее, однако Романова, будучи девушкой строптивой и склонной к экстравагантным поступкам, предпочла теннису милицейскую работу, – видимо, сказались гены.

Володя Яковлев, напротив, был невысок и худощав. Про таких, как он, обычно говорят – миниатюрный молодой человек. Зато он был умен, хитер и предусмотрителен – настоящая «дипломатическая лиса».

Яковлев перевел взгляд на Грязнова и сказал:

– Товарищ генерал-майор, разрешите обратиться?

– Обращайся.

– Я бы хотел подключиться к расследованию сразу, как только доведу до ума дело мошенника Туманова.

– Ты говорил, оно у тебя на подходе?

– Да. Но нужно еще дня два. Думаю, послезавтра приду к вам с полным отчетом.

Вячеслав Иванович пригладил рукой волосы и сказал:

– Хорошо. Но постарайся не затягивать. – Он повернулся к Романовой: – Галя, придется тебе начать одной. Завтра, прямо с утра.

– Слушаюсь, товарищ генерал-майор.

– Еще чаю хотите?

Оперативники покрутили головами.

– В таком случае – с Богом!

Завтракал генерал-майор Грязнов в своем любимом кафе неподалеку от дома. В это утро компанию ему составил «важняк» из генпрокуратуры Александр Борисович Турецкий. Вид у того был мрачный. Мало того что на работе дел было невпроворот, так тут еще жена Ирина устроила очередной скандал. Ей, видите ли, показалось, что от Александра Борисовича пахнет дорогими духами. Запах и впрямь был. За час до возвращения домой Турецкому пришлось посетить один известный московский бордель – по делам службы, естественно. Опаса-

ясь сказать жене правду, Турецкий сочинил в свое оправдание целую легенду. Однако Ирина, научившаяся за долгие годы распознавать в словах мужа фальшь, сразу почувствовала неладное. Одним словом, ситуация стала только хуже.

– Ну и как она к утру? Отошла? – поинтересовался Вячеслав Иванович, переживающий за старого друга.

– Да где там. Ты же знаешь Ирку.

– Я и тебя неплохо знаю. Нашла коса на камень, да?

Турецкий сжал в пальцах чашку с таким остервенением, словно собирался ее раздавить.

– Какая, к черту, коса! Говорили мне много лун тому назад умные люди: не женись, – тихо прорычал он. – Дурак был, что не послушал.

Грязнов насмешливо посмотрел на друга:

– Ну ты тоже не утрируй. Я же знаю, как ты ее любишь. А в бордель мог послать кого-нибудь из следственной группы. Куда тебе на старости лет по борделям-то шляться? Тут и до инфаркта недалеко.

Турецкий сердито сверкнул глазами:

– И ты туда же?

– Шучу-шучу. Что хоть за дело-то?

– Да, понимаешь, паренек демобилизовался из армии, а его невеста за время отсутствия жениха переквалифицировалась из секретарш в проститутки. Сам знаешь, как нынешние девчонки рассуждают: работы поменьше, денег побольше. И называется красиво – «жрица любви». Вот и пошла двадцатилетняя дуреха в «жрицы». Паренек ее отыскал – друзья-доброхоты навели. Устроил скандал, порезал клиента, кинулся с ножом на сутенершу. Тут к делу подключились охранники борделя. Взяли парня в оборот, да только сил не рассчитали.

– Убили?

Турецкий кивнул.

– Угу. А потом и девчонку – чтобы не разболтала.

Грязнов поморщился:

– Подонки.

– Да уж. Теперь они не скоро на свободу выйдут. Уж я об этом позабочусь.

Турецкий яростно вмял окуроч в пепельницу и тут же зашарил в пачке в поисках второй. В кармане у Грязнова зазвонил мобильник.

– Товарищ генерал-майор, – услышал он в трубке бодрый голос Гали Романовой, – я выяснила насчет этого Штурмана. Его связной – старший оперуполномоченный МУРа майор Осипов.

– Ты с ним встретишься?

– Нет пока. Тут есть... – Галя на мгновение замялась, – один нюанс.

– Что еще за нюанс?

– У майора Осипова большие неприятности. Он проходил свидетелем по делу об «оборотнях в погонах». На него и самого заводили дело, но... – Галя сглотнула слюну. – Ему через полтора года на пенсию. В общем, как бывает в таких случаях, у следствия не хватило улик. Я звонила Осипову, но, как вы сами понимаете, он уже не очень-то интересуется текущими делами. В том числе и сообщением Штурмана. К тому же Осипов сейчас за городом – он взял два дня за свой счет, чтобы отвезти внука в санаторий.

– Понятно. Ты договорилась с ним о встрече?

– Да. Как раз сейчас собираюсь ехать.

– Давай. Особо на него не дави, но если заартачится – изобрази фурию и сошлись на меня. Если хорошего разговора не получится, звони мне, я с ним сам побеседую. Расклад ясен?

– Так точно.

– Действуй.

Вячеслав Иванович положил трубку.

– Что, новое дело? – равнодушно поинтересовался Турецкий.

– Да. Намечается одна громкая заказуха. Пытаемся предотвратить.

– Было бы неплохо. Только это почти никогда не удается. Источник-то хоть стоящий?

Грязнов поморщился и повертел в воздухе растопыренной ладонью: дескать, пятьдесят на пятьдесят.

Турецкий кивнул, взял со стола сигарету и сказал, закуривая:

– Никак арбатские опять зашевелились?

– Пока неизвестно, – сдержанно ответил Грязнов.

Александр Борисович вздохнул:

– Брось, Слава. Ты не хуже меня знаешь, что в Москве ни одна солидная заказуха мимо них не проходит. Они залетных киллеров мигом вычисляют. У них агентурная сеть не хуже вашей, ментовской.

– А то и лучше, – мрачно заметил Вячеслав Иванович. – Уже два года за ними гоняемся, а толку никакого. Прошлой зимой взяли двоих с поличным, но они ушли в глухую несознанку.

– Их можно понять, – заметил Александр Борисович. – Для арбатских развязать язык – подписать себе смертный приговор.

– Кажется, эти ребята проходили по одному из твоих недавних дел? – осторожно закинул удочку Вячеслав Иванович.

– Нет. Наводка была ложной, и ты об этом прекрасно знаешь.

Турецкий усмехнулся и посмотрел на часы:

– Мне пора. Дел невпроворот, увидимся, наверно, не скоро.

– Привет жене.

Турецкий нахмурился, но кивнул:

– Передам.

На том они и распрощались.

Оставшись один, Грязнов заказал еще чашку кофе. Честно говоря, вытаскивая Турецкого в кафе, он надеялся заинтересовать «важняка» делом арбатских киллеров и устроить что-то вроде маленького совета в Филях. В последние дни у Вячеслава Ивановича голова шла кругом из-за обилия дел, и ему бы не помешала помощь старого друга. Однако, сообразив, что Грязнов имеет свой интерес, Турецкий предпочел уйти от разговора.

Что поделаешь, у Турецкого своих проблем пруд пруди. А, как известно, следователи не любят вникать в чужие дела и занимаются только теми, которые находятся у них в производстве.

Размышляя об этих невеселых вещах, Грязнов допил кофе и, бросив на стол деньги, покинул кафе.

3

Встретиться договорились рядом с санаторской спортплощадкой. Накануне вечером Осипов привез сюда внука, да решил и сам задержаться на пару дней, чтобы дать возможность мальчику освоиться. По крайней мере, так он объяснил Гале по телефону.

Галина увидела Осипова издали. Он стоял, прислонившись плечом к железной балке турника, и смотрел на покачивающиеся от ветра кроны деревьев. Он был лысоват и невысок, однако широкоплеч и кряжист.

– Василий Петрович, здравствуйте! – окликнула его, подходя, Романова. – Я Галина Романова.

Осипов обернулся. Глаза у него были усталые и красные, словно после бессонной ночи. Впалые щеки поросли двухдневной щетиной. Пиджак слегка помят, рубашка несвежая. Галя протянула Осипову руку, и тот безо всякого энтузиазма ее пожал.

– Мы с вами, кажется, виделись, – сказал он скрипучим, хрипловатым голосом, слегка прищуривав небольшие карие глаза с опухшими веками.

– Да, на задержании бандита Симонова, в прошлом году.

Осипов кивнул:

– Помню. Славное было время. Хотите присесть или прогуляемся? – Он кивнул в сторону деревянной скамейки, стоящей под густым каштаном.

– Я не против, – ответила Галина.

Они сели. Осипов достал из кармана небольшую трубку и пакетик табака. Принялся неторопливо ее набивать, уминая табак большим пальцем. Майор выглядел старше своих лет. Возможно, его так состарили последние события. Вид у Осипова был неприветливый, и Галина не знала, с чего начать разговор.

– Я слышала, вы скоро уходите на пенсию? – сказала она наконец.

– Да. Ухожу, – сказал Осипов. И, подумав, добавил: – И слава богу.

– Что так?

Осипов бросил на нее быстрый, неприязненный взгляд:

– А то вы не знаете. Отдал работе всю жизнь – и что взамен? Хорошо, хоть не вытолкали с позором, а дали дослужить.

«Сами виноваты», – чуть не сорвалось с языка Галины, но она вовремя остановилась.

– Я слышала про ваше дело, – сказала Галина и тут же быстро поправилась: – Вернее, про дело, по которому вы проходили свидетелем.

– «Свидетелем», – с усмешкой повторил Осипов. – Ну да, свидетелем. Только сначала меня два месяца трясли за шиворот и тыкали мордой в грязь, как напакостившего котенка.

Галю стал раздражать этот бессмысленный разговор. Непонятно почему, но она вдруг почувствовала себя виноватой в бедах, которые свалились на лысеющую голову старого майора Осипова. «Чего это я, собственно, так напрягаюсь?» – с неудовольствием подумала Романова. А вслух сказала:

– Честно говоря, подробностей этого дела я не знаю. А сюда приехала совсем по другому поводу.

Осипов набил наконец свою проклятую трубку и теперь раскуривал ее от длинной спички, заслоня огонек ладонью от ветра. Раскурил, выпустил несколько клубов белого дыма и искоса посмотрел на Галину:

– Вы хотели узнать про Штурмана?

Галина кивнула:

– Да.

– Гм... – Осипов задумчиво пососал трубочку. – Знаете, это очень недоверчивый и подозрительный парень. Я хожу у него в кумовьях уже четыре года.

Кумовьями платные осведомители называли оперативников МУРа, которым сообщали сведения и слухи.

– И что, его информация всегда подтверждалась? – спросила Галя.

– Почти. А если не подтверждалась, то не по его вине. Парень очень ответственно относится к делу. Дай бог каждому оперу так радеть за свое дело, как он. Шкурой своей рискует, между прочим.

Гале было неприятно слушать душевные излияния Осипова, которые он произносил скрипучим, недовольным голоском, словно продолжал упрекать Романову в том, чего она не делала и не могла сделать.

– Когда он в последний раз выходил на связь? – спросила Галя.

Осипов подумал и ответил:

– Три дня назад. Мы с ним встречались в пивном баре на «Белорусской».

– Это постоянное место встречи?

Осипов покачал головой:

– Нет. В основном встречаемся в Сокольниках, неподалеку от павильона, где выставляют кошек. – Он насмешливо прищурился: – Я вижу, вы серьезно решили его проработать, раз за дело взялся сам Грязнов. К сожалению, я взял отпуск за свой счет и намереваюсь ближайшие несколько дней провести здесь, в санатории.

– Я могу встретиться с ним и сама.

– Вы? – Осипов окинул Галину насмешливым взглядом. – Вы хотите, чтобы я связал вас со Штурманом?

– Да.

Майор пожал плечами:

– Но он не станет с вами говорить. Я же сказал: он очень осторожен и вот уже четыре года не меняет кума.

– Ну когда-нибудь же надо начинать, – небрежно ответила на это Романова. – К тому же вы скоро уходите на пенсию. Вот и передайте его мне. Я стану его кумушкой.

Осипов криво улыбнулся:

– Я, конечно, могу попробовать. Но ничего не обещаю. Штурман сложный человек, очень сложный. У него, что называется, не все дома. Он даже в психушке пару раз лежал. Один раз с заточкой на меня бросился – не признал в темноте. Чуть не зарезал. А вы... – Он вновь окинул взглядом ладную фигурку Гали Романовой. – Вы все-таки женщина. Не знаю, как он отреагирует.

– Это уже моя забота, – сказала Галина. – Вы, главное, нас познакомьте. Много времени это у вас не займет. Пару часов – не больше. А потом можете возвращаться в санаторий и продолжать отдых.

4

На этот раз встречу устроили в конспиративной квартире на проспекте Мира. Квартира была хорошо, можно даже сказать, шикарно обставлена. Едва переступив порог гостиной и кивнув Гале, Штурман зыркнул глазами по стенам, по мебели и удивленно посмотрел на майора Осипова.

– Почему здесь? – спросил он.

– Потому что я так захотела, – ответила за майора Галя Романова.

Штурман пристально на нее уставился. Это был мужчина средних лет, невысокий и худой. В его сухом, остроносом лице, равно как и в черных, бегающих глазках, было что-то крысиное (так, по крайней мере, показалось Гале). Одет он был в потертую кожаную куртку, на ногах – джинсы и кроссовки. Волосы черные, стриженные щеточкой и топорщившиеся во все стороны. Одним словом, личность была крайне неприятная.

– Познакомься, это Галина Романова. – Осипов сделал рукой широкий жест. – Она капитан милиции. Теперь ты будешь работать с ней.

Майор Осипов проговорил эти слова с легким оттенком язвительности. Штурман пристально посмотрел на Галю черными глазами-бусинками и сморщил желтое лицо.

– Я предпочитаю работать с мужчинами, – сказал он гнусавым (под стать внешности) голосом.

– Да ну? – усмехнулась Галина. – Значит, и у вас есть свои принципы?

Штурман перевел взгляд на Осипова.

– Что она имеет в виду? – быстро спросил он.

– Она... – начал Осипов, но Галя его сухо перебила:

– Она имеет в виду, что вы будете сотрудничать с тем, с кем вам скажут. – Вы не на детской площадке и не в казаков-разбойников играете.

– Я не хотел...

– Вот именно, – резко сказала Галя, сверля Штурмана холодными глазами. – Вы не хотели идти со мной на конфликт. И никакого конфликта нет. – Она слегка прищурила глаза и добавила ледяным голосом: – И в ваших же интересах, чтобы его не было в дальнейшем. Иначе...

Романова оставила фразу недоговоренной.

Штурман слегка поежился, а Осипов посмотрел на Галю с удивлением.

– Значит, вы капитан милиции, – проговорил Штурман, отводя взгляд, и в голосе его на этот раз не было никакого вызова. – Понятно.

Осипов хмыкнул. Затем криво усмехнулся и сказал:

– Ну вот и познакомились. Может, мы наконец присядем?

Как только сыщики и платный агент расселись вокруг журнального столика, Осипов достал из кармана трубку и принялся неспешно набивать ее табаком, всем своим видом показывая, что он здесь простой наблюдатель.

Некоторое время Галя и Штурман изучающе смотрели друг на друга. Когда Осипов закурил трубку и пыхнул дымом, Штурман поморщился, достал из кармана упаковку антискотинных жевательных таблеток, забросил одну в рот и принялся методично жевать.

– Бросаете курить? – поинтересовалась Галя.

Штурман кивнул:

– Да. Забыл спросить: вас не раздражают жующие мужчины?

Он улыбнулся, но Галя покачала головой и ответила без тени улыбки:

– Нет. Жуйте на здоровье.

– Спасибо. – Штурман откинулся в кресле и закинул ногу на ногу. Прищурился и продолжил: – Вижу, вы девушка строгая. Но я не хочу, чтобы у вас сложилось мнение, что я вас боюсь. Так вот, я вас не боюсь. Но не хочу, чтобы вы усложняли мне жизнь. Она у меня и без того непростая. И еще: я не люблю, когда со мной говорят грубо. Это не потому, что я такое нежное создание. Просто нам ни к чему грубить друг другу. Пожалуйста, воспринимайте меня как своего коллегу, который... ничем не хуже и не лучше вас. Извините за дидактический тон, но вы должны это запомнить.

Галя была слегка удивлена таким поворотом дел, но ничем не выказала своего удивления.

– Хорошо. Я это запомню, – спокойно ответила она.

И замолчала, давая Штурману возможность выговориться. Прежде всего нужно понять, что за человек сидит перед ней. А человек, судя по всему, и впрямь был непростой.

Штурман удовлетворенно кивнул. Взгляд его так и говорил: кажется с ней можно иметь дело.

– Итак, – продолжил он после паузы, – теперь вы будете моим связным. Я знал, что это должно произойти, ведь майор уходит на пенсию. Но, признаться, не ожидал, что моим новым кумом станет женщина. Да еще такая красивая, как вы. Поэтому слегка растерялся. Но теперь взял себя в руки. Если вы не против, я буду звать вас просто Галиной.

Галя спокойно согласилась:

– Я не против.

– Хорошо, Галина. – Штурман улыбнулся узкими, сухими губами. – Итак, что вас интересует?

– Меня интересует ваше последнее донесение, – сказала Галя. – О том, что в Москве готовится убийство крупного чиновника или бизнесмена.

Штурман кивнул:

– Да, это так. Я слышал об этом от одного знакомого. Но конечно же он мог слегка при-
врать. Сами понимаете, никто от этого не застрахован.

– Расскажите об этом подробнее.

Штурман мельком глянул на майора Осипова, тот едва заметно кивнул.

– Дело было несколько дней назад. Если быть совсем точным, то в минувшее воскресе-
нье...

Глава третья

1

Несмотря на будний день, небольшой ресторанчик ломился от клиентов. По всей вероятности, место было популярным в Берлине.

Элла Черепахова, роскошная, пышногрудая блондинка, с полноватым, но все-таки весьма приятным личиком, стряхнула с сигаретки пепел в грязное блюдо (тянуться за пепельницей Элле было лень) и пророкотала глубоким голосом:

– Так что, Танюха, здесь нашему брату тоже не медом намазано. Дерьмо – оно везде дерьмо, хоть в России, хоть за границей.

Собеседница Эллы Черепаховой Таня согласно кивнула:

– А я никогда и не обольщалась. Это вы в России вечно думаете, что счастье там, где вас нет. А я всегда знала: счастье – штука приходящая. Главное – иметь терпение, чтобы его дожидаться.

– Там можно всю жизнь просидеть, дожидаясь-то, – насмешливо ответила ей Элла.

Татьяна улыбнулась и дернула обнаженным плечиком. В отличие от подруги, Таня была девушкой стройной, можно даже сказать – худощавой. Изящная фигурка, изящные руки, изящные пальцы – этим Бог Таню явно не обделил, и она об этом знала. Кроме того, у Тани были густые русые волосы, которые она (в отличие от платиновой блондинки Эллы) никогда не красила и не завивала. Зачем портить то, что дано тебе самой матушкой-природой?

Если лицо Эллы было лицом сдобной толстушки, то Танино напоминало декадентствующую аристократку – лицо тонкой лепки, с изящно очерченными скулами и небольшими голубыми глазами, которые смотрели на окружающих с высокомерным спокойствием, словно весь мир был лишь отражением этих глаз, причем отражением не слишком удачным.

– Кстати, как твой фиктивный брак? Еще не перерос в настоящий? – деловито осведомилась Татьяна.

Элла округлила глаза:

– Ну ты даешь, подруга. Я уже три месяца как в разводе.

– Правда? – вскинула брови Татьяна.

– Ну да. Я что, не говорила?

– Не помню. В любом случае – поздравляю!

Татьяна отсалютовала подруге бокалом с вином и отпила глоток. Затем посмотрела на часики и сказала:

– Что-то твой друг опаздывает.

Элла тоже посмотрела на часы:

– Ошибаешься. Он никогда не опаздывает. У него еще есть целая минута.

– Минута! – усмехнулась Таня. – Что такое минута?

– Вот увидишь, через минуту он будет здесь. Мой друг – большой педант.

Не успела она договорить фразу, как дверь ресторанчика раскрылась, впустив высокого, темноволосого мужчину. Остановившись у двери, мужчина пробежал взглядом по залу. Элла махнула ему рукой. Он заметил это и, улыбнувшись, направился к столику Эллы и Тани.

Через несколько секунд темноволосый уже был возле столика.

– Добрый вечер, милые барышни! – поприветствовал он девушек по-немецки.

– Бернд, познакомься, это моя подруга Таня, про которую я тебе рассказывала.

Бернд Шлегель поклонился Тане.

- Между прочим, Таня – студентка престижной московской академии! – сказала Элла.
- О! Приятно иметь дело с умной женщиной. – Шлегель поцеловал Таню руку.
- А мне, – сказала Таня, – приятно иметь дело с таким галантным джентльменом!
- Что вы, Танечка, я не джентльмен – я простой бюргер.

Девушки засмеялись. Шлегель уселся за столик и махнул рукой официанту. Затем посмотрел на девушек и сказал:

– Надеюсь, никто не возражает против шампанского?

– Лично я больше люблю водку, – заявила Элла. – Но так и быть, буду пить вашу детскую шипучку.

– А вы, Татьяна? – повернулся Шлегель к Тане.

– Я просто обожаю шампусик!

– Вот и славно. Шампанского, – сказал он по-немецки подошедшему официанту. – И еще пару ваших фирменных салатиков, порцию черной икры и какие-нибудь конфеты. Шоколадные, естественно.

Официант кивнул и записал заказ.

– Ну-с, – снова перешел на русский Бернд, когда официант ушел, – какие планы на сегодняшний вечер?

– Я обещала Тане, что ты покажешь ей Берлин, – сказала Элла.

– Вот как?

– А что, ты против?

– Что ты, Эллочка! Когда это я был против свидания с красивой девушкой?

– Не думаю, что это будет свидание, – с кокетливой улыбкой сказала Татьяна. – Скорее, дружеская экскурсия.

– Как скажете, красавица. Для вас я готов целый год работать экскурсоводом за бесплатно!

Через пять минут веселой, ничего не значащей болтовни на столике появилось шампанское в серебряном ведерке, салаты, икра и вазочка с шоколадными конфетами. Конфеты были в виде маленьких сердечек. Шлегель тут же достал одну, приложил к груди и изобразил пылкое сердцебиение. Девушки рассмеялись.

– А вы романтик, Бернд, – весело сказала Татьяна.

– Только в компании красивых девушек, – ответил на это немец. – Кстати, вы можете называть меня не Бернд, а просто Боря. До эмиграции я был именно Борей.

– Боря, – повторила Татьяна. – А что, мне нравится! Но тогда и вы не называйте меня Татьяной. Ненавижу этот официоз.

– Как же вас называть?

– Таня. Просто Таня.

– О'кей! Просто Таня! Знаете что? А давайте выпьем на брудершафт, а? По нашему с вами старинному русскому обычаю!

– Давайте!

Бернд достал бутылку из ведерка.

2

Спустя два дня, Бернд и Таня лежали в постели в одном из лучших отелей города и весело болтали. На полу перед кроватью стояла початая бутылка французского вина и два бокала. Бернд курил, опершись спиной на подушку, а Таня лежала на боку и ласково гладила ладонью его мускулистую грудь, поросшую густыми черными волосами.

Немец был не только высок, но и великолепно сложен. Настоящий Тарзан! Правда, волосат, как кавказец, но Тане это даже нравилось. В этом было что-то дикое и необузданное, словно она лежала в постели с могучим неандертальцем.

– Знаешь, Боря, даже не верится, что мы с тобой познакомились всего два дня назад, – задумчиво проговорила Татьяна.

Шлегель посмотрел на нее и улыбнулся:

– Да уж. Мне тоже кажется, что мы знакомы годы. До тех пор, пока мы не укладываемся в постель.

– Правда?

– Да. С тобой каждый раз как в первый.

Таня усмехнулась:

– Ты груб. Но мне это нравится. А что, я и правда так хороша в постели?

– Ты лучшая из всех женщин, которые у меня были, – заверил ее Бернд.

– О! Ты еще не знаешь всех моих талантов! Ты когда-нибудь слышал про «крыло бабочки»?

Шлегель покачал головой:

– Нет. А что это такое?

– Сейчас покажу. Только убери сигарету, а то еще проглотишь в экстазе.

Шлегель посмотрел на сигарету, потом перевел взгляд на Татьяну и сказал с сильным сомнением в голосе:

– Знаешь, детка, я не уверен, что у меня получится. Это будет уже третий раз за вечер.

Таня приподнялась на локте, провела губами по его смуглой шее и хрипло прошептала ему на ухо:

– Дурачок. Туши сигарету и ни о чем не беспокойся. Доверься мне.

Вдохнув черными ноздрями аромат Таниных духов, Бернд больше не задавал вопросов. Он погасил сигарету, и Таня нырнула под одеяло.

– Ох! – вырвалось из груди Бернда мгновение спустя, и он блаженно прикрыл глаза.

Через несколько минут Шлегель закинул руки за голову и устало вздохнул. Таня выбралась из-под одеяла, налила себе вина в бокал и залпом выпила. Оба были потные и красные, как после сауны. Татьяна тяжело дышала как после часовой пробежки.

– Ты волшебная женщина, – сказал, поглядывая на нее, Бернд. – Я никогда не чувствовал себя таким крутым мужиком. Нет, правда – ты будишь во мне зверя!

Шлегель наклонился и поцеловал Таню в мочку уха, затем зарычал, изображая возбужденного хищника. Татьяна смешливо поежилась и повела обнаженным плечиком. Она была великолепна: красивая, сильная самка, способная свести с ума любого мужчину – вот как она выглядела сейчас, несмотря на растрепавшиеся волосы и смазанную губную помаду.

– У тебя есть в Москве парень? – спросил Бернд, не сводя с нее восхищенных глаз.

Таня помолчала, словно обдумывала его вопрос, потом прищурила голубые глаза и спросила:

– А ты как думаешь?

– Я думаю, что есть, – убежденно сказал Шлегель. – И я готов разорвать его на части.

Зрачки Татьяны по-кошачьи сузились.

– А ты опасный человек, Борис, – тихо и как-то странно проговорила она.

– Еще бы! – согласился Шлегель. – Ты даже не догадываешься, насколько я опасен.

Он вновь наклонился к Татьяне, привлек ее к себе и страстно поцеловал в губы. Таня слегка отстранилась.

– Я слышала, ты часто летаешь в Москву, – рассеянно сказала она.

– Нечасто. Но летаю.

– У тебя там работа?

Шлегель подумал пару секунд и ответил:

– Что-то вроде этого.

Татьяна свесилась с кровати и наполнила вином оба бокала. Протянула один Шлегелю. Они чокнулись и отпили по глотку.

– И еще я слышала, что ты знаком с какими-то московскими бандитами, – вновь заговорила Татьяна.

Бернд усмехнулся, но и на этот раз не стал возражать.

– И что сам любишь заниматься... всякими рискованными делами, – продолжила Татьяна, загадочно поглядывая на Бернда из-под полуопущенных ресниц.

– Смотри что называть «рискованными делами», – резонно заметил Шлегель. – Но в общем, ты права. В Москве у меня есть небольшой бизнес.

– Небольшой? А я слышала, что он приносит тебе хорошие деньги. По крайней мере, здесь, в Берлине, тебе не приходится работать.

Лицо Шлегеля потемнело.

– Это тебе Элка рассказала? – сухо осведомился он.

Таня кивнула:

– Да.

По губам немца пробежала нехорошая усмешка.

– У нашей пухлой Черепашки слишком длинный язык, – процедил он сквозь зубы. – Если кому-то захочется его подрезать, я не удивлюсь.

Татьяна прижалась щекой к плечу Бернда и с покорной нежностью посмотрела ему в глаза.

– Брось, Боря. Элла твой друг, и она любит тебя. Она за тебя пойдет в огонь и в воду. Она и со мной познакомила тебя только потому, что ей надоело видеть тебя холостяком.

– Правда?

– Да. Она считает, что ты холостой, потому что не можешь найти себе в Германии хорошую девушку.

– Гм... – Суровые морщины на лице Шлегеля разгладились. – В чем-то она права. Подожди... Выходит, ты хочешь меня на себе женить?

Таня фыркнула:

– Не надейся. У меня и в мыслях этого не было. Я не собираюсь выходить замуж в ближайшие лет пять, так что можешь успокоиться. Хотя... я бы не возражала, чтобы ты заходил ко мне в гости, когда прилетаешь в Москву.

– Я тоже не прочь.

– Значит, договорились?

– Договорились.

Они вновь поцеловались.

– Знаешь, мне в Москве очень не хватает такого вот крепкого плеча, – снова заговорила Татьяна. – Жизнь скотская, а иногда так хочется почувствовать себя слабой и беззащитной.

– Теперь у тебя появится такая возможность, – заверил ее Бернд. – Ты когда улетаешь?

– Завтра.

Немец задумчиво почесал шею. Потом посмотрел на Татьяну и сказал:

– Я смогу быть в Москве через неделю. Приеду на несколько дней. – Шлегель озорно подмигнул девушке и весело спросил: – Не успеешь меня забыть, а?

– Такого, как ты, забыть невозможно. Вот только...

По чистому лбу Татьяны пробежали маленькие морщинки. Она озабоченно нахмурилась.

– Что такое? – насторожился Бернд.

– Ты был прав, когда сказал, что у меня в Москве есть парень, – тихо ответила Таня. – Вернее, даже не парень, а... мужчина. Мы встречаемся уже год.

– Вот как. – Немец тупо посмотрел на свою руку. И сказал, словно обращался к руке, а не к девушке: – И ты его любишь?

– Я? – Глаза Татьяны вспыхнули. Она злобно усмехнулась. – Я его ненавижу. Так сильно, что могла бы убить!

– Тогда почему ты его не бросишь? – нахмурившись, спросил Шлегель.

Татьяна тяжело вздохнула:

– Это невозможно. Он меня просто так не отпустит.

– Не отпустит? – Бернд скривил рот. – Что за чушь! Он что, твой хозяин? Он на тебе клеймо поставил, что ли?

Татьяна откинула со лба прядь волос и сказала очень серьезно:

– Не в клейме дело, Борис.

– А в чем?

Таня снова вздохнула, на этот раз еще тяжелее, чем прежде.

– В деньгах, – выдохнула она. – Он меня опутал по рукам и ногам. Я должна ему за все. За квартиру, за машину. За все! Иногда мне кажется, что я должна ему даже за то, что дышу одним с ним воздухом.

Некоторое время Бернд обдумывал ее слова.

– Кажется, я начинаю понимать, – сказал он наконец пристальным, изучающим взглядом всматриваясь в лицо девушки. – Он подарил тебе квартиру, не так ли?

– Да, – кивнула Таня.

– И ты не хочешь ее лишиться, правильно?

Татьяна покачала головой:

– Не хочу.

– Желание понятное. И что же ты намерена предпринять?

Лицо девушки стало страдальческим.

– Даже не знаю, – тихо проговорила она. – У меня голова идет кругом от всего этого. – Помолчав, она подняла глаза и посмотрела на немца. – Борис, а ты... ты бы мог мне помочь?

Шлегель закурил. Выпустил ртом ровное, белое кольцо дыма и задумчиво проткнул его сигаретой.

– Сдается мне, что этот твой... мужчина положил тебе на счет в банке хорошенькую сумму, – спокойно сказал он. – Я прав?

Татьяна опустила голову:

– Откуда ты знаешь?

– Я знаю богатых мужчин, – сказал немец. – Когда они сходят с ума от страсти, они не считают денег. А от такой, как ты, можно сойти с ума.

– Спасибо за комплимент. – Таня говорила тихим, хрипловатым, страдальческим голосом. – Так что же мне делать, Борис? Что мне делать?

Шлегель стряхнул пепел и сказал:

– Это зависит от того, чего ты хочешь.

– Я хочу убрать его с дороги, – со злостью в голосе проговорила Таня. – Вычеркнуть из своей жизни раз и навсегда.

– То есть... ликвидировать. Правильно я понял?

Девушка закусил губу.

– Правильно я понял? – повторил вопрос Шлегель.

Она кивнула:

– Да. Правильно.

Бернд неторопливо затянулся сигаретой, так же неторопливо выпустил дым.

– Что ж, твою проблему можно решить. Но это будет дорого стоить.

– Я согласна заплатить. Сколько нужно?

Шлегель скосил на нее глаза и спросил:

– А кто твой ухажер?

– Он... – Татьяна запнулась. – Он крупный московский чиновник.

– В таком случае это тебе обойдется... – Бернд сделал паузу и резко закончил фразу: –

В пятьдесят кусков.

– Долларов? – хриплым голосом уточнила Татьяна.

– Ну не тугриков же. У тебя есть такие деньги?

Видно было, что Татьяну слегка ошарашила объявленная сумма.

– А подешевле никак нельзя? – спросила она.

Шлегель усмехнулся и кивнул:

– Можно. Можно вообще убрать его за бутылку водки. Охотники найдутся. Но в таком случае наслаждаться свободой ты будешь в тюремной камере.

– Типун тебе на язык! – недовольно поморщилась Татьяна. – Что ты каркаешь!

– Извини, – пожал волосатыми плечами немец. – Знаешь что, детка... налей-ка вина.

Возможно, глоток бургундского поможет тебе решиться.

Однако, повнимательнее взглянув в глаза девушки, немец понял, что она давно уже на все решилась. Татьяна наполнила бокалы вином. Они молча выпили.

– А теперь скажи мне настоящую причину, – сказал Бернд. – Из-за чего ты готова расстаться с пятьюдесятью кусками? Что он тебе сделал?

Таня молча сжала в руке бокал.

– Он собрался тебя бросить, не так ли? – прямо спросил Шлегель.

Лицо девушки побледнело.

– Эта сволочь пудрила мне мозги два года, – с невыразимой ненавистью проговорила она. – А теперь он решил жениться на дочери одного генерала из Министерства обороны.

– И потребовал, чтобы ты ему вернула все «подарки»?

– Да.

– Что именно он собирает от тебя получить? Только говори честно, как на духу. Я ведь легко могу проверить.

Губы Татьяны дрогнули.

– Однокомнатная квартира на Дмитровском шоссе... – тихо сказала она.

– Дальше! – потребовал немец.

– Машина... небольшой «мерседес»-кабриолет...

– Еще!

– И сто тысяч долларов.

– Это все?

Таня кивнула:

– Все. Мелочи типа золотых побрякушек его не интересуют. – Она вдруг крепко сжала кулак и потрясла им перед собой: – Сволочь! Скупердяй! Где это видано, чтобы мужик забирал у любимой женщины подарки?!

– Да, поступок некрасивый, – согласился Шлегель. – У тебя есть его фотография? – спросил Бернд.

– Да. Сейчас.

Татьяна поставила опустевший бокал на пол, соскользнула с кровати и, как была нагишом, направилась в гостиную за сумочкой. Бернд проводил ее взглядом и невольно облизнулся. С этой странной женщиной он и впрямь чувствовал себя хищным животным или каким-нибудь неандертальцем, не имеющим ни принципов, ни мозгов, а одну только дикую, животную страсть. Такое с Берндом было не впервые. Он часто увлекался, однако давно уже не делал глупостей из-за мимолетной влюбленности. Что делать, любовь приходит и уходит, а деловые

отношения остаются. С чисто немецкой расчетливостью и педантизмом Шлегель предпочитал любви бизнес. И слава господу, до сих пор ему не приходилось об этом жалеть.

Однако девочка была хороша. Дьявольски хороша! А то, что в душе она стерва, так в глазах Бернда это не недостаток, а достоинство. Он не любил тихонь. Он их просто не понимал.

Через пару минут Таня вернулась.

– Вот. – Она протянула Бернду фотографию.

Немец взял снимок, но, прежде чем посмотреть на него, окинул жадным взглядом ладную, голую фигурку Татьяны. Она и не думала стесняться. Стояла перед ним, положив руки на бедра и слегка отставив ногу в сторону – как девушки-модели на показе мод. Только «одеяние» ее было гораздо привлекательнее, чем все эти сверкающие тряпки на тощих телах манекенщиц.

– У тебя кожа как будто светится, – сказал вдруг Бернд.

Татьяна посмотрела на свою крепкую грудь, на смуглый животик. Улыбнулась и сказала:

– Ты находишь? Мне тоже так кажется. Но тебе пора взглянуть на фотографию.

Немец с явной неохотой оторвал взгляд от голого тела подружки и уставился на снимок, который держал в руке.

– Где это вы? – спросил он. И сам же себе ответил: – А, понимаю. Венеция.

– Мы были там прошлым летом, – сказала Таня. Она посмотрела на снимок, и глаза ее заблестели мягким блеском.

– Понравилось кататься в гондолах? – с ревнивой ноткой в голосе поинтересовался Шлегель.

Татьяна рассеянно улыбнулась.

– Да, это приятно. Мне вообще нравится Венеция.

– Когда-нибудь мы съездим туда вместе, – пообещал Бернд.

– Я в этом уверена.

Немец снова уставился на фотографию.

– И что ты в нем нашла, кроме денег? – пробормотал он себе под нос.

– Кроме денег, ничего, – ответила девушка. – Хотя в постели он тоже неплох.

Бернд презрительно дернул уголком рта:

– Он ведь старый. За полтинник давно перевалило.

– Не старый, а опытный. И хватит это обсуждать! Я не для того показывала тебе фотку. Лучше скажи, ты точно знаешь людей, которые могут решить мою проблему?

– Сто процентов.

– В таком случае передай им, что я готова заплатить. Но не все сразу. Двадцать тысяч авансом. Остальные после... после того как все будет кончено.

– Хорошо, детка. Считай, что заказ принят. А теперь иди ко мне! По-моему, я смогу и в четвертый раз!

Бернд небрежно отшвырнул фотографию на тумбочку, схватил Татьяну за руку и привлек к себе.

3

В Москву Боря Шлегель (будем звать его так, на русский манер) прибыл, как и обещал, через три дня. Но Татьяне он сразу звонить не стал. У Бори Шлегеля была привычка – никогда не заниматься делами в первый вечер после прилета. Сначала нужно расслабиться, посидеть с друзьями, выпить коньячку или чего бог пошлет. Благо друзей у Бори в Москве было полно. У одного из них он и решил остановиться в этот свой приезд.

Это был Серега по кличке Славный. Славный жил один в трехкомнатной квартире, да не где-нибудь, а в престижном доме на Тверской. Квартира досталась ему по наследству от отца, знаменитого советского поэта-песенника. В советские времена жизнь у Сережи Славного

была не жизнь, а малина. Отец, рано потерявший любимую жену, обожал Сергея, как можно обожать только единственного сына, похожего как две капли воды на почившую супругу.

С раннего детства воспитанием Сергея занимались няньки и гувернантки. Впрочем, ни одна из них долго не задерживалась в квартире знаменитого поэта-песенника. Причины были разные: одних выгоняли за воровство, других, тех, что помоложе да посимпатичнее, за неприступность, но чаще – за навязчивость. Переспав пару раз с хозяином дома, они воображали о себе черт знает что и норовили остаться в его постели навеки. Однако отец Сергея этого терпеть не мог и пресекал их фантазии на корню.

С детства Сергей привык к частой смене женщин в их доме, а также к тому, что смазливые домработницы (обычно поэт-песенник набирал их из лимитчиц или желающих подработать студенток) выходили по утрам из спальни отца в одном дезабилье и с размазанной по лицу губной помадой. Отец, будучи по природе романтиком, называл это «отдохнуть в компании нимфы».

Годам к тринадцати Сергей и сам стал подумывать о таком отдыхе. Особенно когда сталкивался по утрам в коридоре с полураздетыми, заспанными «нимфами» и видел голое плечо с тонкой линией бретельки или приоткрывшуюся ненароком грудь.

Замечая такой живой интерес со стороны юноши, ушлые «нимфы» моментально включались в игру. И вскоре Сергею стало казаться, что бретельки падают с их плеч отнюдь не случайно.

Однажды он не удержался и, проходя по коридору, прижал молоденькую домработницу к стене. Домработница и не подумала сопротивляться. Вместо этого она вдруг обхватила Сергея ладонями за ягодицы, с силой прижала его к себе и прерывисто и горячо задышала ему в самое ухо. Сергей ткнулся лицом в полуоткрытую грудь «нимфы», вдохнул носом теплый запах ее сонного тела и почувствовал, что сходит с ума от желания. Он больше не мог сдерживаться. Все произошло прямо в коридоре – суетливо, беззвучно, быстро. Хриплое дыхание и судорожные, жадные, сбивчивые движения говорили лучше всяких слов.

– Ты молодец, – шепнула ему затем «нимфа» на ухо. – А теперь бегом в душ! И отцу ни слова.

Так Сергей Славный стал мужчиной. Домработницу вскоре уволили, но на смену ей пришла другая. Сергей действовал тихо, но решительно, и лишь спустя полтора года отец догадался, в чьей постели «нимфы» оказывались сразу после того, как покидали его холостяцкое ложе. Ругать отец Сергея не стал. Просто ходил в спальню, пошуршал там чем-то на полках и вскоре вернулся, всучив сыну пачку знаменитых «резиновых изделий номер два».

– Знаешь, как пользоваться? – спросил он.

– Конечно, – проямлил, краснея, Сергей.

– Молодец, – сказал поэт-песенник. Рассеянно погладил сына по голове и больше никогда не возвращался к этому разговору, предоставив событиям идти так, как они шли до его вмешательства.

С наступлением новых времен отец Сергея оказался не у дел. Стране вдруг стало не до песен, а заниматься «бизнесом» он не умел, да и не хотел. Знаменитый в прошлом поэт-песенник стал быстро стареть, превращаясь в грустного, сварливого старика. И отдыхать он теперь предпочитал не с домработницами, а с бутылкой джина или виски, которые ему поставляли по старой памяти более удачливые друзья.

К тому времени Сергей успел получить первый разряд по боксу и поступить на философский факультет МГУ (отец, порядком отставший от жизни, предполагал, что этот факультет до сих пор кузница кадров номенклатуры).

Когда с третьего курса Сергея вышибли за неуспеваемость, восстанавливаться он не стал. Кривая жизненная дорожка привела его в компанию удалых, спортивных ребят (бывших това-

рищей по секции бокса), «бомбивших» (так они это теперь называли) магазины и коммерческие ларьки.

– Ты пойми, братан, сейчас бабла можно срубить немерено и почти за так, – убеждал его один из «бомбистов». – Жизнь вокруг такая, что ты в ней или заяц, или волк. Кооперативщики – это зайцы. А мы – волки, хищники. Санитары леса! Понял?

Сергей понял.

Влившись в дружную компанию крепких парней, он стал захаживать к кооперативщикам с деревянной битой под мышкой и кастетом на пальцах. Но вскоре ему надоело и это.

В банде он долго не продержался, так как, в отличие от своих молодых коллег, к спорту давно охладел, а гантелям и тренажерам предпочитал виски, водку и только-только появившийся в Москве кокаин. На бандитские разборки он ходил с белым от порошка носом и однажды, после того как Сергей в глаза назвал крутого авторитета «потным козлом», его выперли из банды за неадекватное поведение на стрелках.

«Потный козел» не забыл обиду и вознамерился отправить Сергея в реанимацию или, что предпочтительней, в морг. Опасаясь за свою шкуру, Сергей уже подумывал – не дать ли ему деру из страны (еврейские корни позволяли это сделать), но тут в дело вмешался старый приятель Сергея, Боря Шлегель, человек безбашенный и авторитетный. После долгих переговоров он сумел разругать ситуацию и спасти Сергею Славному его никчемную жизнь.

– Борисыч, отныне моя жизнь – твоя! – торжественно заявил своему спасителю Сергей и, будучи, как всегда, нетрезв, слезливо зашмыгал носом.

– Сочтемся. Когда-нибудь, – ответил на это Шлегель и дружески похлопал «интеллигента» по плечу.

Бориса Шлегеля всегда тянуло к этому странному парню. Сергей происходил из благородной семьи, тогда как сам Шлегель пробивал себе путь из самых низов. Его мать всю жизнь проработала санитаркой в больнице, а отец – слесарем на машиностроительном заводе.

Шлегель с детства любил песни знаменитого поэта-песенника, и когда (спустя десять лет) узнал, что Сергей – его сын, проникся к парню непонятным уважением, в котором была и примесь презрения. Вероятно, такое же чувство вызывали у дореволюционных нуворишей нищие, затюканные жизнью аристократы со следами вырождения на бледных породистых лицах.

Шлегель взял «интеллигента»-неудачника под опеку, поставлял ему хорошие спиртные напитки, отводил от наркотиков (потратив на это дело кругленькую сумму).

– Че ты с ним носишься? – спрашивали Бориса удивленные кореша.

– А нравится он мне, – просто отвечал Шлегель.

Друзья лишь пожимали могучими плечами в ответ. Для них чувства, которые Шлегель испытывал к Сереже Славному, были абсолютно непонятны. Со временем они стали считать эти чувства причудой и перестали обращать на них внимание...

Итак, прямо из аэропорта Боря Шлегель отправился к Сержу Славному. Тот был искренне рад старому другу. Славный уже был слегка пьян и, увидев в руках у Шлегеля литровую бутылку «Русского стандарта», расплылся в довольной улыбке.

Шлегель бухнулся в кресло и вытянул перед собой длинные ноги.

– Осторожно, горилла, книгу помнешь! – вскрикнул Славный и выдернул из-под задницы немца увесистый том.

Шлегель кивнул на книгу:

– Че за муть?

– Да один хрен американский написал. Про ассасина.

Немец ухмыльнулся:

– Кого? Отсосина?

Славный поправил пальцем очки и спокойно сказал:

– Дурак ты, Боря. Ассасин – это убийца в переводе с английского.

– Что-то я такого не слышал. Киллер – слышал. А твой отсосин...

– Ассасин, – вновь поправил приятеля Славный. – Это от арабского «гашишин». А гашишинами мусульмане называли своих убийц за то, что после каждого дела они накачивались гашишем. Гашиш – это...

– Ты мне не впаривай, умник. Я без тебя знаю, что такое гашиш. Даже пробовал пару раз.

– Где это? – усомнился Славный.

– Не твое дело. Ух, блин, ноги как гудят. – Борис пошевелил пальцами ног, поморщился и поуютней устроился в кресле. – А твои отсосины толк в расслабухе знали. Хотя, по мне, лучше кокс. Или просто наша беленькая. – Борис протянул руку и звучно щелкнул пальцем по бутылке с водкой.

– Ну так давай накатим! – оживился Славный. – Чего мы ждем?

– Закуску-то хоть сообрази. Мы же не свиньи, чтоб без закуси.

– А где ты видел свиней, которые пьют водку?

– Не умничай. Лучше подними задницу и притащи сюда мой пакет. И черного хлеба подрежь, если есть!

Через несколько минут на столе появились колбаса, соленые грузди, маринованные корнишоны и оливки.

– Ну! – Шлегель поднял полную рюмку водки. – Давай за то, чтоб мы не забывали хорошо расслабиться после тяжелой работы!

Мужчины чокнулись и выпили. Шлегель снова взялся за бутылку.

– Между первой и второй перерывчик небольшой!

И они выпили снова.

– Вторая без закуски, а третья – для разгрузки! – продекламировал немец и разлил по третьей.

Мужчины снова выпили. И лишь затем взялись за закуски.

– Как у тебя с работой? – поинтересовался Славный, пожевывая корнишон.

– Да есть тут один... заказик.

– Хороший?

Борис пожал плечами:

– Средний. Деньги не ахти какие, но зато само дело несложное. – Немец прищурился, явно что-то вспомнив, и пьяно улыбнулся своим мыслям. – Там, короче, такая бодяга... Одна плохая девочка решила проучить своего неверного любовника, а заодно уберечь от «экспроприации» все то, что этот старый хрен подарил ей, пока не превратился в жадного скрягу.

– Что ж, я ее понимаю, – кивнул Славный, целясь вилкой в оливку.

– Еще бы! Мсть – дело благородное. Да и с деньгами расставаться только дурак захочет.

В конце концов, она их заработала своей...

– Не продолжай.

Шлегель ухмыльнулся:

– Я хотел сказать – любовью. А ты что подумал?

– То и подумал. А девочка твоя молодец. Я бы на ее месте сделал то же самое.

– Да ну? – Немец насмешливо прищурился. – А я помню, ты мне как-то впаривал про искренность человеческих отношений. Целую лекцию прочел!

– Ради денег можно через многое переступить, – изрек Славный. Затем поднял палец и назидательно добавил: – Деньги, старик, это величина метафизическая. Как Бог! Это самая постоянная штука на свете. Друзья, знакомые, любовники, коллеги – все это приходит и уходит. Даже Богу люди изменяют с другим Богом, переходя из адвентистов в буддисты, из буддистов – еще в какую-нибудь хрень, и так до бесконечности, пока не подохнут. Но деньги всегда остаются деньгами.

– Это точно, – согласился Шлегель. Он взял со стола сигару, откусил зубами кончик и сплюнул в пепельницу. Затем, пока Славный наполнял рюмки, раскурил ее. Дымя благоухающей сигарой, он откинулся в кресле, хрустнув суставами, и блаженно произнес: – Эх, хорошо-то как. – Выпустив в потолок густое облако дыма, он заговорил снова: – Честно говоря, братан, мотивы этой девахи мне до лампочки. Меня в данном деле интересуют две вещи. Первая – гонорар.

– Это понятно, – согласился Славный. – А второе?

– Второе? – Борис похотливо улыбнулся. – Второе, братан, это девочка по имени Таня. Вернее, упругое, молодое тело этой сучки.

– Да уж... Ради женщины можно на многое пойти. Как и ради денег. Иногда даже не знаешь, что лучше – классная телка или деньги. Как там у поэта?... – Славный напряг память и продекламировал нараспев:

Помнишь, Боря, у наместника сестрица —
Худощавая, но с полными ногами?
(Ты с ней спал еще.) Недавно стала жрица.
Жрица, Боря! И общается с богами!

Славный подергал себя пальцами за жидкую бороденку и продолжил, мечтательно прищурив глаза:

– Помню, лет пять назад снял я у «Метрополя» одну потаскушку...

– Славный, заткнись, – небрежно осадил его Шлегель. – Ты мне эту историю уже раз десять рассказывал. Как нажрешься, так сразу вспоминаешь.

– А может, это другая история, – обиженно сказал Славный.

– Ну да. Конечно. И стихи ты мне эти сто раз читал. Я даже запомнил:

Поезжай на вороной своей кобыле
В домик шлюх, под городскую нашу стену.
Дай им бабки, за которые любили,
Чтоб за ту же и оплакивали цену.

Шлегель усмехнулся и добавил:

– Вообще-то там фигурировали гетеры, а не шлюхи. Но в целом верно. За бабки эти твари продажные и похоронят, и оплачат как надо.

Славный взял свою рюмку и, не чокаясь с немцем, залил ее содержимое себе в глотку. Иногда Шлегель становился просто невыносимым. Особенно когда перебивал или коверкал стихи. Сейчас он сделал и первое и второе. Горилла проклятая! Славного так и тянуло обидеться, но, прикинув, какими нехорошими последствиями это может обернуться, он передумал.

Выпив водку и заев ее огонь соленым груздем, Славный снова подобрел. До того, что решил первым продолжить прерванную беседу.

– Так, говоришь, дело несложное? – спросил Славный, жуя хрустящий гриб. Спросил не потому, что ему было интересно, а просто так – для поддержания беседы. Славный давно уже смотрел сквозь пальцы на мерзкую работу, которую приходилось делать его другу. Тем более что чаще всего паразиты, которых немец отправлял на тот свет, не заслуживали ни сочувствия, ни снисхождения. Это грызня шакалов – только и всего. А Шлегель был «вставными зубами» этих старых шакалов, поскольку свои зубы у них давно уже стерлись и обломались.

Шлегель презрительно поморщился:

– Дело проще пареной репы. По сравнению с теми заданиями, которые я получаю от Старшины, эта заказуха – детская забава.

– А если Старшина узнает?

– Откуда?

Славный посмотрел на друга поверх очков.

– Борисыч, ну ты же умный мужик. Сам понимаешь, что со Старшиной лучше не связываться.

Шлегель небрежно махнул сигарой:

– Да ладно, старый, не менжуйся. Ни хрена он не узнает. Если, конечно, ты не расскажешь. И потом, мало, что ли, залетных в Москве бывает?

Славный поправил пальцем съехавшие на нос очки и с ухмылкой произнес:

– Помнится, одного такого залетного Старшина собственноручно порезал на куски и скормил своему волкодаву.

– Не волкодаву, а ротвейлеру, – педантично уточнил Шлегель. – Но это потому, что залетный был дурак. Его рожа на пяти видеокамерах засветилась. Кто так работает? Только лохи из Сыктывкара.

– Откуда?

– Из Сыктывкара.

Славный улыбнулся.

– А почему именно из Сыктывкара?

– Да потому что Сыктывкар находится у черта в жопе. И живут там одни дикие лохи, покрытые шерстью.

– Не такие уж они и дикие. А насчет шерсти, так ты тут любому псу фору дашь.

Шлегель покосился на Славного:

– Обидеть хочешь, да?

– Что ты! Разве я похож на самоубийцу?

– Вообще-то да, – с усмешкой ответил Борис Шлегель. Он зевнул, поднял руки и хорошо потянулся. Затем повел могучими плечами и лукаво посмотрел на приятеля:

– А что, Серж, та контора, о которой ты мне говорил, еще работает?

– Какая? – не понял Славный.

– Ну эта – «кудрявые локоны, бархатистая кожа».

Славный слегка покраснел, затем кивнул:

– Работает.

– А что, если нам немного... того? А?

Они «со значением» и слегка смущенно посмотрели друг на друга. Дело в том, что у приятелей имелась одна нездоровая склонность, за которую они – узнай об этом кто-нибудь – здорово бы поплатились. Оба они питали преступную симпатию к юношам. Благодаря обширным знакомствам Сережи Славного, время от времени платоническая любовь на расстоянии переходила у друзей в весьма осязаемые действия, за которые Шлегелю приходилось здорово раскошелиться. А говоря проще – знакомый Сережи Славного держал выездной бордель, в котором «работали» подростки.

– Если хочешь, я позвоню, – сказал Славный.

– Давай, – кивнул Шлегель.

Славный взял телефон и набрал заветный номер.

– Алло, Котела?.. Привет! Серега беспокоит... Да, он самый. Слушай, у тебя там есть что-нибудь свеженькое?.. Ну как тебе сказать: чем свежее, тем лучше... Что?.. Гм... Подожди, спрошу у приятеля. – Славный прикрыл микрофон ладонью и спросил у Шлегеля: – Есть один. Ты его не знаешь.

– Сколько?

– Семнадцать.

– Я говорю, сколько стоит?

Славный убрал ладонь:

– Алло, Котела, а сколько стоит это удовольствие? Гм... А не многовато? Сам знаю, что жизнь дорожает. Но твои услуги опережают все мыслимые и немыслимые инфляции. Ладно, подожди, спрошу. – Славный вновь закрыл трубку рукой. – Слышь, Борисыч, это удовольствие обойдется нам в четыреста «зеленых». Что ответить?

Шлегель задумчиво почесал пальцем переносицу, вздохнул и кивнул:

– Ладно. Скажи, согласны.

– Слышь, Котела, договорились. Когда привезешь? Чего-о! Да ты что, охренел? Нам сейчас надо!.. Ну и черт с тобой, позвоню завтра. Все, отбой.

Славный швырнул трубку на рычаг.

– Чего там? – спросил Шлегель.

– Говорит, только завтра, – раздраженно ответил Славный.

– О черт! А я уже настроился.

– Я тоже.

Шлегель снова зевнул.

– Ладно, завтра так завтра, – спокойно произнес он. – А пока поеду-ка я лучше к своей девчонке. Без обид, ладно?

Славный, давно привыкший к частым сменам настроения приятеля, пожал плечами:

– Ладно. Водку-то хоть оставишь?

– Что за вопрос. Конечно! – Шлегель поднялся из кресла и смачно зевнул. – Оставляю тебя в обществе бутылки. Наслаждайся!

Проводив немца, Сергей Славный вернулся в комнату. Некоторое время он сидел, тупо глядя на бутылку с водкой, потом тряхнул длинными волосами и удивленно пробормотал:

– Одному что-то даже и не хочется. Вот если бы коки...

Он сдвинул брови и еще некоторое время просидел молча, размышляя, где бы достать коки. Внезапно лицо его осветилось догадкой.

– Леха Локшин! – негромко воскликнул он, поправил пальцем съехавшие от возбуждения очки. – А что, это идея. У этого стервеца всегда есть чем разжиться.

Сережа Славный потянулся за телефоном.

Глава четвертая

1

– После того как Славный вынюхал «дорожку», он стал жутко разговорчив. Мне даже не нужно было задавать вопросы. – Агент Штурман пожал плечами, обтянутыми потертой «пилотной» кожей. – Вот, собственно, и все.

– Значит, ни имени объекта, ни имени заказчицы убийства Славный вам не назвал?

– Да он просто не знал. Иначе бы проболтался. – Штурман осуждающе покачал головой. – Не знаю, как можно доверять тайны такому человеку? Я бы лично ни за что не стал с ним связываться.

Галя Романова прищурила серые глаза.

– А откуда у вас кокаин?

Штурман вздрогнул, посмотрел на майора Осипова, затем снова перевел взгляд на Галю.

– Так я это... у Лумумбария его купил. Там у любого негра полные карманы этой дряни.

– А Славному, надо полагать, перепродали с наценкой?

Крысиное лицо Штурмана слегка порозовело.

– Что-то я не понимаю, товарищ капитан, – медленно выговорил он. – Вас интересует готовящееся убийство или этот поганый порошок? Если порошок, то так и скажите, и я больше не буду забивать вам голову заказухой. Места сбыта порошка всем известны. Если бы наши доблестные органы захотели, давно бы истребили эту заразу.

Штурман сложил руки на груди и обиженно нахохлился.

– Ладно, парень, не горячись, – примирительно сказал ему майор Осипов. – Никто тебя на нары за кокс не потащит. Если, конечно, будешь продолжать сотрудничать с нами.

– А я разве когда-нибудь отказывался? – сказал Штурман дрогнувшим от обиды голосом. – Я всегда шел вам навстречу. Между прочим, я рискую собственной шкурой. Если кто-нибудь узнает, что я с вами встречался, меня в асфальт закатают.

– Ладно, не ной, – поморщился майор Осипов. – Ты, знаешь, тоже сотрудничаешь с нами не из простого человеческого удовольствия, а потому что крепко сидишь у меня на крючке.

– Ваша правда, – вздохнув, ответил Штурман. – Но в данном случае важны не столько мотивы, сколько качество проделанной работы. Я прав, товарищ капитан?

– Прав, – кивнула Галя Романова.

На мгновение Штурман замаялся, потом сказал, не глядя Гале в глаза:

– Простите, Галина... Насколько я понимаю, старший в этой связке, несмотря на звание, вы?

Галя слегка склонила голову набок, но ничего не ответила.

– Я это к чему говорю... – запинаясь, продолжил Штурман. – Сведения, которые я вам передал, имеют исключительное значение, ведь так?

И вновь Штурман не получил ответа. Тогда он ответил сам себе:

– В Москве собираются ликвидировать не простого человечка, а крупного чиновника. Это событие из ряда вон выходящее.

– Продолжайте, – сухо сказала Галина.

Штурман зыркнул на нее черными, мышиными глазками и вновь их опустил.

– Честно говоря, я рассчитываю, что мой гонорар будет как минимум вдвое больше обычного, – сказал он неожиданно твердым голосом.

– Вам уже заплатили, – напомнила ему Галина.

Штурман склонил голову в знак согласия и уточнил:

– От оперсостава МУРа. А вы, насколько я понял, представляете здесь Департамент уголовного розыска МВД. Смею напомнить, что от вас я еще ничего не получал. Вы поймите, Галина, я не вымогатель. Я просто хочу получить достойный гонорар за свою опасную работу. Могу я на это рассчитывать?

– Можете, – ответила Галя.

Она раскрыла сумочку. Глаза у Штурмана вспыхнули алчным огоньком. Он даже облизнул сухим языком пересохшие от волнения губы. Галя достала из сумочки конверт и протянула агенту.

Тот взял конверт дрожащими пальцами, приоткрыл и быстро, как бухгалтер, пересчитал купюры. Лицо его засветилось довольством.

Галя протянула ему раскрытый журнал и авторучку. Указала пальцем:

– Распишитесь здесь, где галочка.

Штурман кивнул и взял ручку. Перед тем как поставить автограф, он внимательно изучил сделанную Галиной запись. В графе «получатель» было написано «платный агент Штурман».

Штурман кивнул и расписался мелким, убористым почерком.

– Ну вот, – удовлетворенно сказал он, возвращая журнал Романовой. – Теперь мы действительно в расчете. С вами приятно иметь дело, товарищ капитан.

– С вами тоже. Связь теперь будете держать лично со мной. Вот мои контактные телефоны. – Галя протянула ему визитную карточку.

– О'кей, – сказал агент. – Если я вам понадобится, звоните в бар «Рюмка». Бармен – мой друг, он мне все передаст. Запишите телефон...

Штурман продиктовал, и Галина записала.

– На этом, если не возражаете, мы с вами распрощаемся, – сказал агент.

Галина не возражала. Майор Осипов – тоже. Аудиенция, таким образом, была окончена.

2

Генерал-майор Грязнов пристукнул карандашом по столу и сказал:

– Значит, так, ребята. Мы с вами проведем профилактическую операцию. Основная цель – предотвратить задуманное убийство.

– А побочная? – с едва заметной улыбкой поинтересовался Володя Яковлев.

– Побочных целей, товарищ майор, в нашей с вами работе не бывает, – наставительно изрек Грязнов. – Есть вторая основная цель. И заключается она в следующем – раскрыть банду киллеров, действующих в Москве, и отправить их на заслуженный отдых. Работу будем проводить широким фронтом. Задействуем спецдивизион ГУВД.

– Топтунов? – переспросила Галина, прищуривая серые глаза.

– Их самых, – кивнул Вячеслав Иванович. – Начнем с наружного наблюдения за господином Шлегелем. Думаю, он приведет нас прямо к клиенту. Кстати, не мешало бы хорошенько обследовать квартиру Сержа Славного. По-тихому, конечно. Возможно, что немец оставил там для нас какие-нибудь улики. Как, говоришь, его полное?

– Бернд Шлегель, – ответил Яковлев. – Но в России он известен под кличкой Боря Сибиряк.

– Давай подробней.

Яковлев кивнул, достал из сумки листок с напечатанным текстом и доложил:

– Бернд Шлегель приехал в Москву из Томска сразу после школы. Там у него, кстати, до сих пор живет мать, которую он не навещает. Шлегель пробовал поступить в МАИ, но провалился на экзаменах. Осел в Москве и стал работать – там-сям. Пока не наступили благословенные для бандитов девяностые. Есть основание подозревать его в связях с солнечной группиров-

кой, хотя прямых улик мы не имеем. В девяносто восьмом Шлегель эмигрировал в Германию. Получил немецкое гражданство и теперь постоянно проживает в Берлине. Не исключено, что в Москву он приезжает именно для осуществления заказных убийств. Вячеслав Иванович, мы сейчас проверяем его причастность к громким московским убийствам за несколько последних лет. Хотим выяснить, есть ли хронологическая связь между его приездами в Москву и этими заказами.

Грязнов задумчиво произнес:

– Н-да... Для банды арбатских это очень удобно: выполнил Боря Сибиряк опасное задание – и смылся отсыпаться в свою Германию. Как говорится, концы в воду. Лучшего и пожелать невозможно.

Бернд Шлегель, в просторечии Боря Сибиряк, сидел в ресторане «Якитори» и пил саке. Не то чтобы он любил этот напиток, просто Боря придерживался общеизвестного принципа: в чужой монастырь со своим уставом не ходят. Если бы он сидел в пивном баре, то пил бы свой любимый «Бутвайзер», если бы оказался в «Шармеле» – отдал бы предпочтение дорогому французскому вину. Ну а в японском ресторане нужно пить только саке. Иначе какого черта вообще сюда ходить?

Теплый, кисловатый напиток, немного похожий на русскую хлебную брагу (из которой в родном Борисе Томске гонят отменный самогон), не только не утолял жажду, но и совершенно не пьянил. Вот уже пятнадцать минут Борис маялся в ожидании Татьяны. Он и сам не подозревал, насколько сильно прикипел к девчонке во время тех нескольких дней в Берлине. Кислое саке теплой волной катилось по пищеводу, а Шлегель, не замечая вкуса, представлял себе Татьяну голой. Такой, какой она стояла тогда перед кроватью, – широко расставив ноги и уткнув кулачки в гибкие бока.

Когда она вошла в ресторан, Борис невольно расплылся в улыбке, не сумев скрыть радость. Таня была еще красивей, чем в Берлине. Подойдя к столику, она наклонилась и поцеловала Бориса в щеку:

– Ну здравствуй, фриц!

– Здравствуй, детка!

Таня села за стол.

– Я на минутку, – сказала она.

– Как это? – не понял Шлегель. – Мы ведь вроде договорились, что я...

– Да, договорились, – кивнула девушка. – Но лишь после того, как ты выполнишь свою часть договора. Я принесла еще несколько фотографий, а также его домашний адрес и фотографию дома, чтобы ты не перепутал. Он педант и выходит из дома ровно в семь тридцать. Ты запомнишь?

Шлегель презрительно дернул губой:

– Спасибо за информацию, но я бы справился и без нее. Я профессионал, а не дилетант.

– Знаю, милый. Но я решила облегчить тебе задачу. Ладно, извини, мне пора. – Татьяна стала подниматься, но тут же снова села на стул. – Ах да. Совсем забыла. – Она вынула из сумочки толстый конверт из коричневой плотной бумаги и положила на стол. – Здесь аванс, как и договаривались. Пересчитай, пожалуйста.

Немец взял конверт, приоткрыл (точно так же как за несколько часов до него сделал агент Штурман) и принялся деловито пересчитывать купюры. Пересчитал и кивнул:

– Все верно.

– Отлично! В таком случае до встречи.

– А когда мы встретимся? – глупо спросил Борис.

– После того как работа будет выполнена, – ответила Татьяна. Улыбнулась и добавила: – Я ведь должна отдать тебе вторую часть гонорара, или ты забыл? Пока, милый!

Татьяна встала, снова, как и при встрече, поцеловала Шлегеля в щеку, повернулась и быстро вышла из ресторана.

– Настоящая стерва, – восторженно прошептал, глядя ей вслед, Шлегель.

Как только Татьяна вышла из ресторана, от табачного ларька отошел неприметный человек в замшевой куртке. Он вставил в губы сигарету, не спеша закурил, дождался, пока Татьяна пройдет мимо, затем двинулся за ней неторопливой походочкой. Время от времени девушка нервно оглядывалась, словно чего-то боялась. И тогда человек замедлял шаг. На его ничем не примечательном лице застыло беззаботное выражение.

Человек шел за Татьяной несколько кварталов. За это время он умудрился сделать несколько приличных фотоснимков маленькой цифровой камерой, вмонтированной в зажигалку. У комиссионного магазина, куда Татьяна зашла после того, как в течение двух минут разглядывала журнальный столик, выставленный в витрине, прежнего топтуна сменил новый – такой же серый и неприметный.

А еще несколько минут спустя фотографии девушки, сделанные первым топтуном, уже были загружены в портативный компьютер и сверялись с обширной базой данных МВД.

К вечеру того же дня Володя Яковлев и Галина Романова знали о девушке если и не все, то почти все. Звали ее Татьяна Ивановна Перова. Она была студенткой Гуманитарной академии, заканчивала четвертый курс и скоро должна была получить степень бакалавра искусств.

К тому моменту, когда Татьяна Перова вернулась в свою шикарную квартиру, расположенную в одной из трех «красных башен» на Дмитровском шоссе, ее телефон уже прослушивался сотрудниками спецдивизиона МВД. (За пару часов до этого генерал-майор Грязнов без всяких проволочек получил разрешение на прослушку телефона в Мещанском суде столицы).

Около десяти часов вечера того же дня у Татьяны Перовой состоялся весьма примечательный (хоть и напряженный) телефонный разговор с одним немолодым, но солидным господином.

– Слушаю! – буркнул тот, сняв трубку.

– Аллю, Лев? – Голос Татьяны слегка подрагивал.

– Да. А это кто?

Татьяна хрипло задышала и произнесла с лютой ненавистью в голосе:

– Ну ты и сволочь, Лев!

– А, Танечка! – «обрадовался» собеседник. – Не узнал тебя. Сто лет будешь жить! Рад тебя слышать, золотце мое. Ну как там поживают мои деньги? Они уже приготовились вернуться к своему старому владельцу?

– Ага. Пакуют чемоданы. Ты хам. Ты мне просто омерзителен!

Собеседник Перовой довольно хохотнул:

– Знаю, солнышко. Но ты тоже не подарок. Ты очень красивая девочка, но характер у тебя скверный.

– Это потому что я не позволяла тебе водить по ресторанам баб?

– Глупости. Я никогда себе этого не позволял.

– Правильно. Потому что боялся прессы! Ты поступал хитрее. Этих баб тебе привозили на дачу! Я все знаю, Лева. Я видела их.

Собеседник немного помолчал, потом сказал:

– Так ты следила?

– Да!

– Ну ты и стерва, Танюша.

Лицо Перовой исказилось гримасой бешенства.

– Смею напомнить, что это не я бросила тебя, а совсем наоборот.

– Верно. Но на то были свои объективные причины.

– Я любила тебя, мерзавец! Я была тебе верной подругой!

– Да-да, я знаю. Спасибо тебе за это, зая. Ты была моей верной любовницей, а теперь у меня будет верная жена.

Мужчина снова хихикнул, словно дразнить разъяренную девушку доставляло ему ни с чем не сравнимое удовольствие.

– Да, и кстати, – добавил он, смеясь, – в «Ля Рошели» у тебя больше кредита нет. Теперь тебе придется околачиваться в простых пивных барах.

– Я заставлю тебя пожалеть об этих словах, – тихим, kloкочущим от ярости голосом произнесла Татьяна. – Прощай!

Она брякнула трубку на рычаг.

А часом позже телефон зазвонил в квартире у Грязнова.

– Вячеслав Иванович, – услышал он в трубке негромкий, спокойный голос Володи Яковлева, – кажется, мы установили объект.

– И кто это?

– Вице-мэр Москвы Лев Анатольевич Камакин. Именно ему Перова угрожала сегодня по телефону. Сейчас уже поздно, а завтра утром попытаюсь разузнать об их отношениях побольше. Если, конечно, такие отношения действительно имели место.

– Хорошо. Как только разузнаешь, сразу же отзвони мне.

– Слушаюсь. Спокойной ночи, Вячеслав Иванович.

– И тебе того же. Хотя какое уж тут теперь спокойствие...

3

Следующий день был для майора Яковлева жарким. В принципе весь день состоял из того, что Володя задавал кому-нибудь вопросы, а затем выслушивал ответы – иногда сбивчивые, иногда четкие и ясные, иногда робкие, иногда – с оттенком брезгливого высокомерия.

Официант в дорогом французском ресторане «Ля Рошель» отреагировал на удостоверение майора Яковлева оригинально. Он стал по стойке «смирно» и даже слегка прищелкнул каблуками.

– Бывший военный? – прищурился на него Яковлев.

– Так точно. Старший лейтенант Кравцов, – ответил официант, хмуря брови.

– Вольно, старлей. Взгляните, пожалуйста, на эти фотографии.

Яковлев протянул официанту несколько снимков, на которых были изображены Перова и Камакин.

– Вы знаете людей, которые на них изображены?

Официант едва глянул на снимки и кивнул:

– Да, конечно. Это Лев Анатольевич и Татьяна. Они частенько сюда заходят. Раз в месяц это уж точно. Лев Анатольевич – один их самых уважаемых клиентов. На его имя в нашем ресторане открыт кредит.

– Какие, на ваш взгляд, у них отношения?

Официант нахмурился еще больше, видно было, что вопрос этот ему не по душе.

– То есть как – какие? – сухо сказал он. – Они пара. Не думаю, что супруги, но любовники – точно.

– Вы уверены?

– Разумеется. Я часто их обслуживал. Он постоянно ей что-то дарил: то колечко, то браслет.

– Когда они стали приходить сюда вместе?

– Не помню. М-м... – Официант задумчиво закатил глаза. – Года полтора назад... Да, где-то так.

– Ясно.

Еще оригинальней была реакция у домработницы вице-мэра Камакина – Надежды Павловны Ямской. Она долго, не меньше минуты, смотрела на фотографию Перовой – при этом выражение глаз у домработницы было такое же, как у загнанной в угол клетки лисы. Наконец она облизнула языком сухие, увядшие губы и едва заметно кивнула:

– Да, я ее знаю. Это Таня, подруга Льва Анатольевича. Я иногда встречала ее в квартире Льва Анатольевича по вечерам.

– Она оставалась у него на ночь?

Домработница изобразила на лице сначала недоумение, затем возмущение.

– Молодой человек, – начала она, повышая голос, – неужели вы думаете, что я...

– Ничего я не думаю, – сухо оборвал ее Яковлев. – И вопросы вам задаю не из праздного любопытства.

Домработница помолчала, затем быстро огляделась по сторонам, приблизила к Яковлеву морщинистое лицо и быстро спросила (при этом ее маленькие глазки блеснули любопытством):

– Неужто случилось что?

Володя покачал головой.

– Пока нет, – спокойно сказал он. – Но может случиться, если мы не примем меры.

– О господи! – охнула домработница. – Страсти-то какие!

– Они живут как супруги? – быстро спросил Володя, не дав ее удивлению разрастись.

Та кивнула:

– Да. Живут. Танечка все надеется, что Лев Анатольевич замуж ее возьмет. Только он пока с этим не спешит. И то верно: зачем торопиться-то? Тут ведь все нужно хорошенько обдумать, взвесить. Хотя... – Домработница пожалала плечами, – женский век – он короток. Я-то в ее возрасте уже двоих детей имела. А они все в бирюльки играют. Думают, что жить будут вечно. – Домработница вдруг закусила губу и посмотрела на Володю исподлобья, словно размышляла, стоит ему рассказать о своих подозрениях или нет. Подумав несколько секунд, она заговорила быстро и сбивчиво: – Ходят слухи, что Лев Анатольевич на другой жениться собрался. Не знаю, правда это или нет, но Танечку я у него давно уже не видела. Между нами-то говоря, не пара она ему совсем, Танечка-то эта.

– Почему же не пара?

– А вредная она баба – вот почему, – затараторила домработница. – Кому в жены достанется, тот с ней горя хлебнет. Она и в Льва Анатольевича вцепилась как бульдог. Вернее, как кошка – когтями! Уж и мурлычет ему на ушко, и щечкой об его плечо трется... А в глазах такой огонь, что мама дорогая! Только ведь и Лев Анатольевич не простак какой-нибудь. Его так просто не обведешь. Он себе цену знает!

– Значит, они поссорились?

– Видать, поссорились. Только я при этом не присутствовала.

– Понятно.

За день Володя Яковлев успел побеседовать с добрым десятком людей. Картина, в общем, складывалась ясная. Причины, побудившие Перову нанять киллера для убийства Камакина, были банальны.

В то время когда майор Яковлев беседовал с одним из сотрудников мэрии, его коллега – капитан милиции Галина Романова – переступила порог квартиры Сергея Славного.

Вместе с ней в квартиру вошли три сотрудника спецдивизиона МВД. Все четверо – и Галина, и оперативники – были в тонких тряпичных перчатках. Дверь оперативник вскрыл отмычкой – быстро и бесшумно.

– Галя, вам бы лучше посидеть где-нибудь, пока мы будем работать, – добродушно сказал ей один из оперов. – Если найдем что-нибудь интересное, мы вас позовем.

Галя знала, что в обысках сотрудникам спецдивизиона нет равных, а потому безропотно подчинилась.

Оперативники быстро рассредоточились по квартире, Галина же села в кресло и рассеянно поглядывала по сторонам. Пробежала взглядом по корешкам книг. Ницше... Горький... «Майн Кампф»... «Биография Иосифа Сталина»...

«Да у него тут целая тематическая подборка», – с усмешкой подумала Галина.

– Галя, тут кое-что есть, – услышала она голос оперативника. – Взгляните!

Она поднялась из кресла и вошла в спальню. На полу перед кроватью лежала спортивная сумка. Перед сумкой на корточках сидел сотрудник спецдивизиона. В левой руке у него была записная книжка, в правой – отливающая гляncем цветная фотография.

– Вот! – сказал он и протянул снимок Галине.

На снимке была изображена венецианская гондола, отчаливающая от берега. В гондоле сидели двое – мужчина и женщина. Вглядевшись в лицо мужчины, Галина нахмурилась. Лицо было очень знакомое. Где же она его видела?

– Это вице-мэр Камакин, – сказал оперативник. – Его часто по телевизору показывают.

– В самом деле... – проговорила, краснея, Галина. Ей было стыдно, что она сама его не узнала.

– А вот тут его адрес и телефоны, – сказал оперативник, показывая Гале раскрытую записную книжку.

– А про адрес вы откуда знаете? – усомнилась Романова.

Оперативник улыбнулся:

– Так ведь мы с вице-мэром почти соседи. Он в нашем районе живет. Поэтому у нас никаких проблем ни с вывозом мусора, ни с асфальтовыми дорожками во дворе. А детская площадка что твой луна-парк! ЦПКиО отдыхает!

Сомнений не было: любовница Камакина Татьяна Перова за деньги самого Камакина решила устранить его – лишить жизни, чтобы сохранить все то, что подарил ей могущественный спонсор-любовник.

Вечером того же дня Яковлев получил отчеты от топтунов, наблюдающих за Борей Сибиряком (он же гражданин ФРГ Бернд Шлегель) и Сергеем Славным. Ничего заслуживающего внимания в этих отчетах не было.

После того как Романова и Яковлев доложили о своих изысканиях Вячеславу Ивановичу Грязнову, он надолго задумался. Потом усмехнулся и сказал:

– Вот что, ребята... Наблюдение за Перовой, Шлегелем и сыном поэта продолжать. А я пока постараюсь сделать так, чтобы о самодеятельности Бори Сибиряка-Шлегеля прознали его боссы из синдиката киллеров. Столкнем их лбами и посмотрим, что из этого выйдет.

– Вообще-то это называется провокация, – сказала Галя Романова.

– Ну да, – согласился Грязнов. – Но благодаря этой провокации мы выйдем на человека, который возглавляет банду арбатских. А это дорогого стоит. Ты согласна?

Галя хмуро кивнула:

– Согласна.

– А ты? – повернулся Вячеслав Иванович к Володе Яковлеву.

– На все сто, – лаконично ответил тот.

– Ну тогда приступим...

4

Когда в кармане у Бори Сибиряка зазвонил телефон, он вздрогнул. Деревянной рукой поднес трубку к уху и сказал:

– Слушаю.

– Алло, Сибирячок? – раздался знакомый гнусавый голосок.

Немец опешил, но быстро взял себя в руки.

– Да, Старшина, – спокойно и даже дружелюбно ответил он. – Здравствуй.

– Услышал, что ты в Москве, и не удержался. Дай, думаю, позвоню, пообщаюсь со старым дружочком.

– И правильно сделал. А откуда номер узнал?

– Не помню. Спросил у кого-то. Да и неважно это! Важно, что ты здесь. Ужас как по тебе соскучился, душа моя!

«Вот ведь сволочь. Мысли он, что ли, читает?» – с досадой подумал Боря Сибиряк. Приехав в Москву, немец вставил в телефон новую сим-карту, и номер свой никому не сообщил. Откуда Старшина разнюхал номер – одному дьяволу известно.

– Говорю, соскучился я по тебе! – гнусаво повторил Старшина.

– Бывает, – нехотя ответил Боря Сибиряк.

– Ну конечно, бывает! В гости-то хоть заглянешь? Или, как всегда, дел невпроворот?

Немец знал, что ответить на приглашение Старшины отказом опасно. Да и не приглашение это было, скорей – приказ.

– Да нет, – спокойно ответил Боря Сибиряк. – Нет никаких дел. Буду рад повидаться.

«Чтоб ты сдох, гнида безволосая», – подумал немец в сердцах.

– Ну вот и отлично. Где меня искать – знаешь. Давай подгребай часикам к шести. И постарайся не опаздывать, душа моя, не дай мне истомиться в ожидании.

– Хорошо. Буду к шести.

На этом разговор был окончен.

В три часа пополудни Боря Сибиряк отпустил такси возле одного из домов в Марьиной Роще. На первом этаже дома, с торца, находилось кафе. Странное кафе. Во-первых, странным было его месторасположение: вдали от каких бы то ни было магистралей. С одной стороны – квартал серых, невзрачных пятиэтажек, с другой – пыльные железные гаражи. Во-вторых, железная дверь кафе была заперта на электронный замок. Боре Сибиряку пришлось пару раз повторить свое имя в маленький динамик, а также повернуться лицом к укрепленной на стене видеокамере, прежде чем дверь открылась.

Ничего удивительного, что за те полчаса, которые Боря Сибиряк провел внутри, из кафе никто не выходил, равно как и наоборот – никто в него не входил. Вывеска кафе, висевшая над дверью, была маленькой и неприметной. Не с первого взгляда можно было разглядеть название «Кафе „Иван-да-Марья“».

Старшина сидел за столиком и ел румяные куриные крылышки, тщательно обсасывая косточки и бросая их в хрустальную вазочку. Одет он был в дорогой темно-синий костюм и шелковую белую рубашку. Его абсолютно голая, прокопченная в соляриях лысина, блестела как бильярдный шар.

Старшина был маленького роста и очень худой. На вид он больше походил на пижонистого, вертлявого сутенера, чем на предводителя организации наемных убийц. Но впечатление это было обманчивым.

Старшина очень ловок, умен и жесток, а значит – страшно опасен. Плотны прижатые к голове маленькие уши киллера слегка заострены кверху, как у хищного зверя. Лоб низкий и

морщинистый. Маленькие глаза так глубоко утопали под надбровными дугами, что казались вдавленными в череп.

Ел Старшина аккуратно, как аристократ, время от времени смачивая руки в лимонной водичке и вытирая их одним из черных шелковых платков, аккуратно стопочкой сложенных перед ним на столе.

В среде московских бандитов ходили слухи о том, как однажды Старшина зарезал за одну ночь пять человек. Дело было в «диких девяностых». Один процветающий кооперативщик, азербайджанец по национальности, праздновал свою свадьбу. Пока новобрачные и их гости расслаблялись в ресторане, Старшина проник в квартиру азера в надежде поживиться содержимым его сейфа. По прикидкам, квартира должна была быть пустой. Однако Старшина ошибся – в квартире находилось пятеро охранников-азербайджанцев. Завязалась потасовка.

К тому моменту, когда Старшина достал из кармана опасную бритву, азеры успели сломать ему три ребра, выбить левый глаз и вывихнуть челюсть. Наконец охранники устали ломать ему кости и решили передохнуть. Истекающий кровью бандит воспользовался передышкой и принялся орудовать бритвой, причем настолько мастерски, что через минуту все пятеро охранников лежали на полу с перерезанными глотками.

На память о том вечере у Старшины остались два белесых шрама на голом черепе и стеклянный глаз, которым – будучи подшофе – киллер любил пугать проституток, на которых был очень падок.

С бандитами Старшина общался спокойно и насмешливо, как со старыми друзьями, хотя знал, что большинство из подельников побаиваются его, а кое-кто просто ненавидит. Следует добавить, что Старшина любил театральные жесты. Он весело ерничал, рассказывал пошлые анекдоты, тонко подхихикивал своим шуткам. Но все это было лишь отвлекающим маневром, призванным сбить собеседника с толку.

Когда Боря Сибиряк вошел в кафе, Старшина даже не поднял головы, а продолжал как ни в чем не бывало глодать куриные крылышки.

Боря Сибиряк подошел к столику и вежливо кашлянул.

Старшина замер с открытым ртом, затем медленно поднял на гостя взгляд.

– Ба! – воскликнул он. – Какие люди!

Боря Сибиряк протянул бандиту руку, и Старшина с жаром ее пожал (со стула он не встал, лишь чуть-чуть приподнял тощий зад).

– Ну здравствуй, друг ты мой любезный! Садись, располагайся.

Боря Сибиряк сел на указанный стул, и, когда гость уселся, хозяин вежливо спросил:

– Кофе? Чай?

Немец покачал головой:

– Нет, спасибо.

– Водку? Коньяк?

– Нет.

– Девочку? Мальчика? – Старшина хихикнул. Боря вежливо улыбнулся пошлой шутке, хотя ничего смешного в этом не видел. – Ну давай рассказывай. Как поживаешь?

– Нормально, – ответил немец, глядя на бандита из-под полуопущенных век.

Старшина взял из тарелки куриную косточку, понюхал ее, сморщился и бросил обратно в тарелку. Затем приветливо посмотрел на немца и ласково спросил:

– Чего в Москве пасешься, Сибирячок?

– Да так, соскучился.

– Да ну? Значит, соскучился?

– Ага. Слышал такое слово – «ностальгия»?

– Во как! Тэк-тэк-тэк... И что, сильно, говоришь, накатила?

– Ностальгия-то? Сильно, – с усмешкой ответил немец.

– То-то, я смотрю, лицо у тебя заплаканное! К березкам-то уже съездил? Кваску русского возле Савеловского вокзала попил?

Старшина засмеялся. Затем вытер руки о шелковую салфетку и взялся за графин с водкой.

– Не возражаешь, если я дерну рюмашку?

– Да ради бога, – пождал плечами немец.

– Ну и ладненько.

Старшина налил себе водки, перекрестился и выпил.

– Ох хороша, зараза! – Он занюхал водку салфеткой и вновь обратил свой взор на немца. – Значит, говоришь, ностальгия заела. А вот я слышал, что ты в Москве работенку себе нашел.

– Откуда слышал? – насторожился немец.

Старшина растянул губы в резиновую усмешку.

– Земля-мать весточку донесла. Еще я слышал, что клиент твой – крутая фигура. Вице-мэр Камакин. Я правильно угадал?

У Сибиряка отпала челюсть.

– Я... это... – пробормотал он.

– Решил, что я тебе не нужен? – Старшина улыбнулся еще шире. – Ох, молодость, молодость... И когда вы научитесь уважать старших?

Старшина был практически ровесником немца, но он любил чувствовать себя старшим товарищем или, как говорят в Японии, сенсеем.

– Да нет, – заговорил Сибиряк. – Просто я...

– Решил срубить деньгу по-легкому? Вот так приличные парни и ссучиваются. Все через нее, через легкую деньгу. – Старшина осуждающе покачал головой. – В общем, так, Сибирячок. Никаких дел тут у тебя нет. Кроме тех, что ты через меня получаешь. Понял?

– Понял, – кивнул немец. – Но ты неправ, Старшина. Ты очень неправ.

Живой глаз Старшины превратился в кусочек льда.

– О правах своих дяде милиционеру будешь рассказывать, когда он тебя за зад прихватит и в КПЗ потащит, – просипел он. – А мне про это не впаривай. Я не сам себя авторитетом назначил, меня большие люди короновали, понял?

– Да.

– Не слышу!

– Да! – рявкнул Боря Сибиряк.

– Вот так. – Старшина вновь откинулся на спинку стула. – Значит, с ушами у тебя порядок. Задаток получил?

– Получил.

– Сколько?

– Двадцать кусков.

– Вернешь. Все до последнего копя.

– Но...

Старшина ударил ладонью по столу – так, что подпрыгнула тарелка.

– Харэ базарить! Я сказал, ты услышал. Все, свободен. И будь на связи, ты мне можешь еще понадобится.

Старшина пододвинул к себе тарелку и вновь занялся куриными крылышками с таким видом, словно немца и след простыл.

Боря Сибиряк поднялся со стула, посмотрел, как Старшина ест, повел могучими плечами и облизнул губы. Лицо его было бледным, в глазах полыхал свирепый огонек. Немец подождал, не будет ли еще каких-нибудь указаний, затем повернулся и зашагал к выходу. Он чувствовал спиной, что Старшина смотрит ему вслед, но не обернулся.

5

Теплое саке нисколько не изменилось на вкус с момента последней их встречи. Может быть, стало еще противнее.

Едва сев за столик, Татьяна пронзила немца колким, холодноватым взглядом и резко спросила:

– Зачем позвал?

Шлегель улыбнулся ей самой обаятельной из своих улыбок:

– Детка, ты меня извини, но твой заказ... – Немец откинул со лба прядь темных волос. – Как бы это лучше сказать... В общем, он переносится. На неопределенное время.

– Так. – На тонких скулах девушки обозначились желваки. – И в чем же причина такого решения? Ты что, испугался?

– Дело не в этом... – медленно заговорил Шлегель, но Татьяна не дала ему договорить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.